

VI $\frac{6}{8}$

Годъ 9-й.

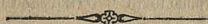
Кн. XXXIV

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія,
Антропологии и Этнографіи,

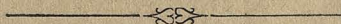
состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

1897, № 3.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Н. А. Янчука.

МОСКВА.

Высочайше утв. Т-во Скороп. А. А. Левенсонъ. Коммиссіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества
Любителей Естествознанія въ Москвѣ, Петровка, д. Левенсонъ.

1897.

ОБЫЧНОЕ ПРАВО („АДАТЪ“) КИРГИЗОВЪ СЕМИ- РЪЧЕНСКОЙ ОБЛАСТИ.

Семейные союзы.

1) Союзъ брачный.

1. Отношеніе между супругами.

а. Личныя.

Всѣ права въ семьѣ киргиза принадлежать мужу, отцу. Киргизскія женщины не имѣютъ никакихъ правъ и состоятъ въ полномъ подчиненіи и распоряженіи мужчинъ. Всѣ работы, кромѣ пастьбы лошадей и постьва, лежатъ на плечахъ жены. У бѣдныхъ она главнымъ образомъ прокармливаетъ семью. И за все это женщина не удостоивается чести ѣсть, даже въ домашней жизни, вмѣстѣ съ мужемъ, отцомъ, братомъ. О гостяхъ и не говорю: послѣ нихъ она получаетъ объѣдки (богатые—исключенія, онѣ ѣдятъ и не объѣдки), да развѣ, во время пира, какой либо вѣжливый гость, желая оказать особое вниманіе и почетъ, положить ей въ ротъ кусокъ мяса, бросить кость.

Жена не имѣетъ даже возможности помѣшать исполненію воли мужа въ дѣлахъ, казавшихся судьбы ея дѣтей (выдача замужъ дочерей, женитьба сыновей), все рѣшаетъ мужъ. Согласна она или нѣтъ все равно — ея протестъ не измѣнитъ дѣла. Только въ случаѣ смерти мужа, если вдова не вышла замужъ, она можетъ распорядиться судьбой дѣтей: женить сына, выдать дочь по своему усмотрѣнію. При жизни же мужа его воля—законъ для всѣхъ живущихъ въ юртѣ. Даже дурное и жестокое обращеніе съ женой сходить мужу съ рукъ и не наказывается, такъ какъ нельзя считать за наказаніе увѣщанія брата или отца, или легкое наказаніе стариковъ родственниковъ, за которое къ тому-же мужъ навѣрное отомститъ женѣ. Только жизнь жены отчасти гарантирована обычаемъ: за убійство жены мужъ несетъ имущественную отвѣтственность, платя тестю кунъ.

Даже собой женщина не можетъ распорядиться: она, какъ вещь, переходитъ по наслѣдству къ братьямъ мужа, племянникамъ и т. д. Впрочемъ если у вдовы есть сыновья, то никто не можетъ заставить ее выйти замужъ—этотъ вопросъ предоставляется ея усмотрѣнію. Если же у вдовы нѣтъ дѣтей или и есть, но дочери, то она можетъ не выйти замужъ только если она стара или неизлѣчимо больна; въ этихъ случаяхъ родственники умершаго оставляютъ въ ея пользованіе все или часть имущества умершаго. Если же вдова не стара и не больна, то какъ-бы она не упрямилась, родственники умершаго сломятъ ея упорство и она выйдетъ за одного изъ нихъ.

Женщина не допускается и не можетъ быть свидѣтелемъ ни по какимъ дѣламъ. Исключеніе для женъ самыхъ почетныхъ, уважаемыхъ киргизъ дѣлается ради ихъ мужей, которые и являются на судъ вмѣсто женъ. Ни одну женщину однако нельзя приводить къ присягѣ.

Изъ всего сказаннаго ясно, что за киргизкой не признается никакихъ правъ. Конечно такое рабское положеніе не бросается въ глаза киргизамъ, благодаря вѣковой привычѣ. „Какъ жили отцы такъ и мы“—вотъ мечта кочевника; врядъ ли и ихъ женщины ждутъ и мечтаютъ о лучшемъ.

Изъ женъ киргиза первая—„байбиче“—пользуется большимъ предъ прочими почетомъ, но это отнюдь не означаетъ ея главенства надъ прочими женами мужа. Въ жизни кочевника главенство пріобрѣтается большей смысленностью, расторопностью, умѣлостью. Обладай этими качествами „токаль“ (третья жена), и всѣ подчинятся ея распоряженіямъ. Это и понятно, ибо цѣль ихъ общая—благостояніе юрты; потому-то въ домашней жизни только на этой почвѣ и возможенъ для „байбиче“ нѣкоторый почетъ отъ „уртанчи“ (вторая жена) и „токаль“. Впрочемъ это въ случаѣ если всѣ жены живутъ въ одномъ мѣстѣ, а такъ какъ киргизы отдѣляютъ своихъ женъ, причемъ онѣ живутъ часто далеко другъ отъ друга, то байбиче и при отсутствіи указанныхъ качествъ пользуется почетомъ отъ прочихъ женъ.

б. Имущественныя.

Обычай гласитъ: „женщина владѣетъ только собой и за себя одну отвѣчаетъ.“ По моему мнѣнію эта формула характерна и полно выражаетъ отсутствіе всякихъ имущественныхъ правъ женщины. Это такъ и есть на самомъ дѣлѣ. Возьмемъ женщину въ любой моментъ ея жизни. Вотъ она живетъ у отца. Имѣетъ-ли она что либо въ настоящемъ и будущемъ? Нѣтъ. Ни состояніе отца, ни заработанное ея руками не принадлежитъ ей: это наслѣдство ея братьевъ, а нѣтъ ихъ—наслѣдство дяди. Родная дочь не наслѣдница. Вышла киргизка замужъ и что же полу-

часть? — ровно ничего. Имуществомъ она правда пользуется сообща съ мужемъ, но все же оно не ея собственность. Ни распорядиться имъ, ни наследовать она не можетъ; это имущество достается ея сыновьямъ, а нѣтъ ихъ—братьямъ мужа, къ которымъ и она переходитъ. Чтобы ни выработала жена, чтобы ни подарилъ ей мужъ, все это—если жена отойдетъ отъ него по какому либо случаю—остается у мужа. Вдова тоже не пользуется ни чѣмъ: она не можетъ распорядиться и собой, если нѣтъ сыновей. А если сыновья есть, то имуществомъ она пользуется по праву опекуниши ¹⁾. Пропадеть безъ вѣсти мужъ, жена (по истеченіи года) можетъ ждать его или нѣтъ, выходя въ послѣднемъ случаѣ за брата мужа; имущество же идетъ или сыновьямъ или братьямъ пропавшаго.

Однимъ словомъ, никогда и ни въ какомъ случаѣ женщина не имѣетъ права на собственность—это привиллегія мужчинъ. Отдѣленные жены еще пользуются нѣкоторой имущественной самостоятельностью, но при внимательномъ наблюденіи эта самостоятельность оказывается фиктивной. Жена вѣдь и пользуется имуществомъ только какъ мать будущихъ или имѣющихся уже сыновей; не будетъ ихъ и имущество перейдетъ къ другимъ.

Обычай отдѣленія женъ и надѣла ихъ имуществомъ имѣетъ вліяніе на выдѣлъ дѣтей, опеку и наследство. Богатые и самостоятельные киргизы при всякой новой женитьбѣ отдѣляютъ женѣ, даютъ имъ имущество, скоть. Размѣръ надѣла зависитъ отъ усмотрѣнія мужа и потому конечно различенъ; однако всѣ придерживаются обыкновенія надѣлять „байбиче“ большимъ противъ прочихъ. Приведу примѣры. Султанъ Найманханъ далъ: „байбиче“ 60 лошадей, 200 барановъ, 6 верблюдовъ, корову, юрту и имущества до 2000 рублей; „уртанчи“—20 лошадей, 150 барановъ, 3 верблюда, юрту и имущества до 500 рублей; „токаль“—10 лошадей, 100 барановъ, 2 верблюда, юрту и имущества на 200 рублей. Трусекъ Мамановъ далъ кромѣ юрты и имущества первой женѣ—60 лошадей, 300 барановъ, 6 верблюдовъ и 10 коровъ; второй—50 лошадей, 250 барановъ, 5 верблюдовъ и 9 коровъ.

Киргизы средняго состоянія, отдѣляя иногда женѣ, даютъ каждой (первой конечно болѣе) около 30 барановъ, 3 лошадей, верблюда, 1—2 коровы и юрту съ имуществомъ. Весь этотъ надѣлъ отнокъ не собственность женѣ, онѣ имъ только распоряжаются, да и то не самостоятельно, до совершеннолѣтія сыновей. Дарить, продавать что либо изъ надѣла нельзя безъ разрѣшенія мужа. Если у отдѣленной жены будетъ только одинъ сынъ, то и

¹⁾ Впрочемъ старая вдова, даже бездѣтная, не берется братьями и они даютъ ей средства не умереть съ голоду. Иногда ей до конца жизни оставляютъ все оставшееся отъ мужа. По смерти ея понятно братья забираютъ все себѣ.

при жизни отца онъ получаетъ все имущество, данное матери, въ свое владѣніе и распоряжается имъ самостоятельно, живя съ матерью. Напримѣръ Тазабекъ, сынъ Толкуна отъ первой жены, получилъ въ свое владѣніе все данное его матери (30 лошадей, 300 барановъ, иноходца, 5 коровъ, 5 верблюдовъ и юрту съ имуществомъ). Изъ этого имущества Толкунъ взялъ только 100 барановъ и вещей на 100 рублей для подарка сестрѣ Тазабека, когда она, родивъ ребенка, пріѣхала погостить.

Выдѣлъ сыновей при ихъ женитьбѣ дѣлается только изъ имущества данного ихъ матери. Калымъ за дочерей поступаетъ въ это же имущество, равно какъ и приданое дается изъ него-же. Если у отдѣленной жены сыновей нѣтъ и не ожидается, то мужъ или предоставляетъ ей по прежнему пользоваться надѣломъ или же взявъ обратно надѣлъ, помѣщаетъ бездѣтную въ одну юрту съ другой женой. Послѣ смерти мужа вдова, имѣющая малолѣтнихъ сыновей, дѣлается опекуней ихъ и распоряжается надѣломъ по своему усмотрѣнію до совершеннолѣтія дѣтей; надѣлъ же бездѣтной вдовы дѣлится по ровну между женами имѣющими сыновей, а при неимѣніи таковыхъ, все дѣлится между братьями мужа, къ которымъ переходятъ и вдовы.

2. Ограниченіе супружескаго союза между лицами.

а) По степени родства.

Браки въ первыхъ степеняхъ родства запрещены обычаемъ; върнѣе, киргизы избѣгаютъ такихъ браковъ. Запрещеніе едва ли есть, ибо тогда обычаемъ было-бы опредѣлено и наказаніе, а этого нѣтъ. Даже въ 8-й и 9-й степеняхъ родства браки рѣдки; обыкновенно стараются вовсе избѣгать союзовъ между родственниками. „Развѣ мало въ степи дѣвокъ изъ другихъ родовъ“, — говорили мнѣ по этому случаю киргизы. И дѣйствительно браки на дѣвушкахъ своей волости очень рѣдки, хотя родство членовъ волости между собой весьма отдаленное. Киргизы избѣгаютъ родственныхъ браковъ въ силу убѣжденія, что такіе браки бесплодны. А такъ какъ въ быту кочевника численность членовъ юрты, рода, крайне желательна для лучшей защиты и благосостоянія, то понятно стремленіе киргизовъ не жениться на родственникахъ. Многіе киргизы берутъ новую жену потому именно, что отъ прежней нѣтъ дѣтей. Женщинъ, плодородіе которыхъ несомнѣнно и за которыхъ калымъ меньшій (разведенныя русской властью за жестокое обращеніе мужей, вдовы), берутъ на расхватъ. Помню такой случай: киргизка Сегизсаровской волости Беисъ, среднихъ лѣтъ, некрасивая, была разведена съ мужемъ за звѣрское съ нею обращеніе. Только что кончилось дѣло явилось четыре иска-теля ея руки. На мой вопросъ: что прельщаетъ въ Беисъ? каж-

дый отвѣчалъ одно и тоже: жена бездѣтна, а Бейсъ родить (у нея есть дѣти), и калымъ менѣе.

Есть и еще причина, вслѣдствіе которой киргизы избѣгаютъ брать въ жены родственницъ. Причина эта—нѣкоторое обезсиленіе рода и распаденіе родоваго союза. По основному обычаю, тестъ не отвѣтчикъ за зятя и не помощникъ ему въ бѣдѣ и наоборотъ. Что-же случилось-бы съ родомъ, если въ немъ не всѣ были-бы обязаны помогать каждому изъ родичей? Во времена неподданства киргизовъ Россіи столкновенія родовъ за земли, скоть, женщинъ и т. п. случались очень часто; верхъ былъ на сторонѣ сильнѣйшаго; допустить ослабленіе рода значило лишиться свободы и благосостоянія. (Сообщили: Тленчи-бій Джалоировъ во время неподданства киргизовъ, бій Таттыбай, Коджаке, Кызылбургъ, управители Труспекъ, Бекъ-мухамедъ, султанъ Найманханъ—все авторитеты народныхъ обычаевъ). Исключенія конечно бываютъ, но чрезвычайно рѣдко и какъ рѣдкость они извѣстны едва не во всей степи. Напр. о бракѣ бія Біень-Куяндинской волости Илеу на родственницѣ въ 6-й степени родства я слышалъ первый разъ въ Алтынъ-Емельской волости.

Свойство не служитъ препятствіемъ для брачнаго союза; напримѣръ, обычай дозволяетъ жениться на родной сестрѣ умершей жены. Самый переходъ вдовы къ брату умершаго мужа служитъ доказательствомъ непризнанія свойства. Впрочемъ избѣгаются браки между свойственниками, пока живо лицо опредѣляющее свойство; напримѣръ, жениться на сестрѣ жены можно только по смерти послѣдней и т. п. Само собой разумѣется, что здѣсь, какъ и вездѣ, есть исключенія. Напр., киргизъ Кетменской волости Саурукъ Алпаровъ женатъ на двухъ дочеряхъ киргиза Мынбаса. Обязанность наблюдать, чтобы не повѣнчались близкіе родственники, не лежитъ ни на комъ. Это дѣло личнаго взгляда и нѣтъ ни какой власти, которая могла бы не допустить подобный союзъ.

Въ Султанскихъ родахъ супружскіе союзы заключаются даже между лицами въ 3 степени родства; браки болѣе близкихъ родственниковъ обычаемъ запрещены. Союзъ между дядей и родной племянницей бываетъ нерѣдко. Напр., Султанъ Найманханъ Камбаровъ имѣетъ отъ старшей жены дочь Бабаджанъ, а отъ второй сына Садыка. Бабаджанъ замужемъ за Нуръ-Султаномъ Аблезовымъ и отъ него имѣетъ дочь Базынашъ (родившуюся въ 1875 году). Въ январѣ 1879 года Султанъ Найманханъ высваталъ Базынашъ за своего сына Садыка и свадьба должна была состояться по совершеннолѣтіи дѣтей. Султаны говорятъ, что если-бы Садыкъ родился и отъ одной матери съ Бабаджанъ, то и тогда бракъ его съ Базынашъ могъ-бы состояться. Свойства Султаны не признаютъ; по ихъ словамъ и киргизскій обычай не знаетъ свойства и разрѣшаетъ всевозможные браки.

б) По возрасту.

Мужчина и женщина моложе 15 лѣтъ не вѣнчаются; этого не дозволяетъ обычай, одинаковый въ данномъ случаѣ и для султановъ и для простыхъ киргизовъ. Подъ вѣнчаніемъ подразумѣвается выполняемая муллою обрядность, послѣ которой молодая переходитъ въ юрту мужа. Сожительство же позволено при первомъ сватовствѣ, если жениху и невѣстѣ не менѣе 13 лѣтъ. У киргизовъ Южнаго Участка сожительство позволено и съ 12 лѣтъ, а вѣнчаніе въ 13, однако случаи такіе крайне рѣдки.

Чалоказаки, татары, сарты, живущіе въ волостяхъ, выдаютъ своихъ дѣтей по достиженіи ими 12—13 лѣтъ. Киргизы — выдавая дочерей за татарина, сарта, чалоказака, — придерживаются своего или ихъ обычая, смотря по обстоятельствамъ. Богатый киргизъ придерживается своего, бѣдный — нуждающійся — на лѣта дочери не смотритъ лишь-бы получить скорѣе калымъ (приданого по-нятно не даютъ).

Относительно старческаго возраста нѣтъ предѣла, выше котораго вступленіе въ бракъ запрещалось-бы безусловно. Жениться въ 60, 70 и 80 лѣтъ не воспрещается; напр. киргизъ Біень-Куяндинской волости Едилъ Табуллинъ 80 лѣтъ женился на дѣвушкѣ 17 лѣтъ, калыма заплатилъ 47 кобылъ, приданого конечно не получилъ. Впрочемъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ главную роль играетъ корысть. Киргизы и сами говорятъ, что хотя браки выше 65 лѣтъ и не запрещаются, но никто не изъ корысти не выдаетъ дочерей въ замужество за такихъ старцевъ. „Не старику даемъ, а деньгамъ“ гласитъ поговорка киргизовъ.

Разница лѣтъ брачующихся не служитъ препятствіемъ для заключенія союза. Главное доказательство этому, кромѣ увѣренія киргизовъ — знатоковъ права и постоянныхъ случаевъ, встрѣчающихся въ жизни, мы видимъ и въ обычаяхъ перехода невѣсты и вдовъ къ братьямъ умершаго жениха или мужа. Тутъ о лѣтахъ и не спрашиваютъ; иная невѣста, переживъ двухъ жениховъ братьевъ, выходитъ за третьяго уже пожилой женщиной, тогда какъ мужъ ея едва вышелъ изъ младенческаго возраста.

Число женъ не ограничено обычаемъ. Всякій можетъ имѣть ихъ сколько пожелаетъ, если только на исполненіе желанія хватаетъ средствъ для уплаты калыма и содержанія женъ.

3. Условія и обрядность заключенія брачнаго союза.

Заключенію брачнаго союза предшествуютъ: сватовство, дача задатка (кыргабау и батаякъ), переговоры о платѣ за невѣсту (калымъ) и взносъ этой платы.

Кого долженъ женихъ послать сватомъ, обычай не указываетъ, предоставляя это личному произволу. (Я говорю о вполнѣ взросломъ женихѣ). Изъ приводимыхъ же ниже примѣровъ видно, что сватаетъ его отецъ, родственникъ или даже пріятель.

Сватовству предшествуютъ смотрины дѣвушки, то есть случайныя съ нею встрѣчи или же въ случаѣ молвы о красотѣ какой либо дѣвушки киргизъ ѣдетъ съ цѣлью посмотреть на ту, о которой онъ такъ много слышалъ. Иногда съ этой же цѣлью посылаются надежный человѣкъ; отецъ посылаетъ даже сына.

Употребивъ слово „смотрины“, спѣшу и разъяснить его. Оно не выражаетъ какого либо особаго обряда и имъ я хочу только сказать, что взрослый сватаетъ, увидѣвъ дѣвушку или зная ее по описанію довѣреннаго человѣка. Нѣкоторые не довольствуются этимъ и спрашиваютъ согласія дѣвушки. Конечно въ огромномъ большинствѣ случаевъ согласія дѣвушки не спрашиваютъ, а прямо обращаются къ отцу ея. Вообще согласія дѣвушки не нужно. Обычай, предоставивъ родителямъ право просватывать дочерей въ малолѣтствѣ по своему усмотрѣнію, врядъ-ли имѣлъ въ виду и допускалъ свободную, собственную волю и у взрослой дѣвушки. Переходъ дѣвушки въ случаѣ смерти жениха къ его брату случитъ тоже доказательствомъ отказа ей въ правѣ выбирать мужа по собственному желанію. Окажись нарѣченный съ пеленокъ женихъ уродомъ или полюби дѣвушка другого, все таки исхода нѣтъ; она должна выйти за избраннаго отцомъ. Сопротивленіе не поможетъ, развѣ только ей посчастливится обратить на свое дѣло вниманіе русской власти.

Впрочемъ киргизки такъ свыклись съ своимъ положеніемъ, что рѣдкая выскажетъ протестъ. Громадное большинство безмолвно подчиняется обычаю, продающему ихъ старику, уроду или передающему брату умершаго жениха или мужа—подчасъ младенцу.

Для того, чтобы возможно полнѣе обрисовать длинную, сложную и часто довольно разнообразную процедуру, предшествующую переходу дѣвушки изъ юрты родителей въ юрту мужа, я сначала опишу какъ-бы нормальный, общій и не возмущаемый ничѣмъ постороннимъ порядокъ и обрядность сватовства постепенно до перехода дѣвушки къ мужу, а затѣмъ уже приведу нѣсколько примѣровъ, почему либо отличающихся отъ обычнаго порядка и характеризующихъ отчасти жизнь киргизовъ, ихъ невзгоды и рабское положеніе у нихъ женщинъ.

Пріѣхавъ въ юрту отца дѣвушки, сватъ говоритъ „отдай свою дочь за такого-то.“ Нерѣдко незнакомые другъ другу киргизы рекомендуются, высчитывая скотъ, родню. При согласіи отца начинаются переговоры о калымѣ¹⁾, а затѣмъ сватъ даетъ, для пе-

¹⁾ О размѣрѣ калыма ниже. Очень богатые киргизы о калымѣ не разговариваютъ; у нихъ принято платить сколько хватитъ силъ и средствъ. Равносильно полученному калыму они и придаеое даютъ огромное. Случается, что и

редачи дѣвушкѣ, подарокъ—„кыргабау“ (сережки, кольцо и т. п.) и уѣзжаетъ домой, откуда и присылаетъ задатокъ—„батаякъ“, при врученіи котораго тесть назначаетъ время для пріѣзда сватовъ на угощеніе и для полученія подарковъ (кѣитъ), кста-ти ужъ опредѣляетъ и что именно намѣренъ дать въ кѣитъ. По пріѣздѣ свата собираются родственники, закалывается 2—3 бо-лѣе барановъ, смотря по своему и сватающагося состоянію, и на-чинается пиръ.

На другой день отецъ невесты дѣлаетъ свату подарокъ (кѣитъ), обыкновенно верблюда или лошадь, а пріѣхавшимъ съ нимъ—ко-му лошадь, кому халатъ, ситецъ и т. п. Размѣръ и цѣн-ность этихъ обязательныхъ подарковъ обычаемъ не опредѣ-лены и зависятъ отъ состоянія и желанія дарящаго; обыкновен-но же даютъ менѣе, чѣмъ получаютъ въ задатокъ. Получивъ подарки, сваты уѣзжаютъ домой.

Черезъ нѣсколько времени или даже одновременно съ отѣз-домъ сватовъ отецъ невесты, братъ или другой родственникъ от-правляется за полученіемъ калыма. Послѣ обычнаго угощенія ему даютъ подарокъ (необязательно) и часть калыма. вмѣстѣ съ этой частью, но не въ счетъ калыма, дается лошадь или жеребенокъ въ „ультуры“. Эта скотина по пріѣздѣ тестя домой рѣжется; за-тѣмъ читается молитва. Съ этого момента женихъ получаетъ пра-во видѣться съ невестой, чѣмъ конечно и пользуется въ возмож-но скоромъ времени. Пріѣзжать однако въ юрту тестя женихъ не можетъ; обыкновенно по пріѣздѣ ему выставляется гдѣ нибудъ въ укромномъ мѣстѣ палатка или кошъ, а ночью одна изъ род-ственниковъ приводитъ (тайно отъ родителей) къ нему невесту, съ которой онъ и проводитъ эту первую брачную ночь.

Калымъ, вообще говоря, вносится частями и обыкновенно до того года, въ которомъ хотятъ взять дѣвушку. Въ этотъ періодъ времени женихъ посѣщаетъ невесту, и родственники послѣдней ѣздятъ за калымомъ.

Въ одинъ изъ пріѣздовъ жениха,—непремѣнно по уплатѣ большей части калыма,—бываетъ „той“ (пиръ), для котораго же-нихъ обыкновенно приводитъ верблюда и лошадь въ подарокъ—

большіе пріатели не разговариваютъ о калымѣ. Нѣтъ рѣчи о калымѣ и при кру-говомъ сговорѣ—„учъ-урай“ и „кары“. Киргизы А В и С по общему со-гласію сговорились женить: сына киргиза А на дочери В, сына отъ В на до-чери С, сына послѣдняго на дочери киргиза А. Подобный же сговоръ между двумя семьями называется—„кары“. Сговоръ дѣлается во время малолѣтства дѣтей и условіе скрѣпляется общей „бату“. Когда дѣти достигнутъ надле-жащаго возраста, то предъ бракомъ дается: отцу старшей дочери—верблюдъ, отцу второй—лошадь, третьей—жеребенокъ. Ничего другого въ калымъ не пла-тится. Оба эти вида возможны при полномъ довѣріи другъ къ другу. Тутъ хотя и не было задатка, но была „бату“, за нарушеніе которой въ былыя вре-мена былъ устанавливаема аипъ въ размѣрѣ 3—4 девятковъ.

„илку“ — тестю и привозить различнаго товара „джиртысь“ (ситець, красное сукно, сарпинка, мата и т. п.) цѣнностью на 30 барановъ. Это размѣръ подарковъ, подносимыхъ киргизами средняго состоянія; богатые привозятъ больше, бѣдные меньше.

Привезенный товаръ дѣлится на три равныя части, и двѣ изъ нихъ остаются въ юртѣ тестя, а третью раздѣляютъ на части по аршину и половинѣ аршина и раздають женщинамъ нарочно собраннымъ на празднество.

На „той“ собираются и родственники мужчины. Обычное угощеніе — на счетъ отца дѣвушки. Когда гости соберутся, подходитъ и женихъ къ юртѣ тестя, кланяется, при чемъ проводитъ руками отъ ступней ногъ до живота и заходитъ за занавѣсь. Прежде, отчасти и въ настоящее время, женихъ долженъ былъ вылить въ огонь очага ложку бараньяго сала. Баранъ, сало котораго льется на огонь, приводится женихомъ и не входитъ въ счетъ прочаго привезеннаго для тоя. Хотя женихъ и входитъ въ юрту, но тесть не долженъ его видѣть. Вечеромъ изъ ближайшаго аула прѣзжаетъ какой либо киргизъ и проситъ невѣсту въ гости; съ невѣстой ѣдутъ туда и всѣ пировавшіе. Невѣста съ дѣвушками и женщинами помѣщаются парами въ особой юртѣ, мужчины же толпятся вокругъ. Начинаются пѣсни. Почти предъ разсвѣтомъ одноаульцы и родственники киргиза, у котораго невѣста въ гостяхъ, окружаютъ юрту и не выдаютъ невѣсту, требуя выкупъ. Родственники же послѣдней стараются отнять дѣвушку и если это не удастся, то женихъ платитъ; въ противномъ случаѣ невѣсту увозятъ безъ выкупа, впрочемъ крайне меньшаго: халать, ситець или что либо въ этомъ родѣ. Выкупъ дается хозяйну юрты.

Богатые киргизы на этомъ „той“ дѣлають „байгу“, „кокбюри“. Для байги въ число приза первому прискакавшему женихъ долженъ дать лошадь, остальной же призь дается отцомъ невѣсты. ¹⁾

¹⁾ „Байга“ (скачка) извѣстна и описывать ее лишне. Скажу лишь, объ обычаяхъ помогать скачущимъ; помощь состоитъ въ томъ, что при концѣ скачки верховые окружаютъ бѣгунцовъ и, схвативъ ихъ за чумбуръ, сѣдло — словомъ за все попавшее, — почти силой тащатъ къ цѣли. Нагавекъ не жалѣють и немилосердно бьютъ несчастную лошадь, понуждая къ скорѣйшему бѣгу. Шумъ скачки заглушается страшнымъ крикомъ, гиканьемъ.

Игра съ козломъ (кок'-бюри) не такъ общеизвѣстна, потому и постараюсь описать ее. Отецъ невѣсты даетъ козла; его закалываютъ и едва прекратятся послѣднія судороги животнаго, всѣ отходятъ и садятся на лошадей. Верховые подсакаиваютъ, стараясь поднять козла съ земли не слезая съ лошади. Одному удалось; онъ несется куда попало, лишь бы подалѣе отъ прочихъ участвующихъ. Но за нимъ летятъ всѣ: догнавшій старается вырвать козла и уносится прочь. Его въ свою очередь тоже договяють, окружають. Каждый старается завладѣть животнымъ и тѣснить другихъ. Всѣ сбиваются въ такую тѣсную толпу, что движеніе становится невозможнымъ. Но вотъ въ суматохѣ одному удалось вырвать козла и поднять его вверхъ; тотчасъ протягиваются десятки рукъ ближайшихъ къ окраинѣ кучи, вырываютъ животное изъ середины, бросаютъ крайнимъ, а эти уносятся прочь.

Прогостивъ близъ невѣсты 2—3 дня, женихъ уѣзжаетъ домой. Родственницѣ, приводящей по ночамъ дѣвушку, женихъ каждый разъ даетъ небольшой подарокъ: халатъ, ситенъ, а то и скоть. Послѣ этого праздника женихъ получаетъ право посѣщать дѣвушку даже въ юртѣ ея отца, но все же такъ, чтобы родители не видѣли его.

Не надо забывать, что у киргизовъ зять и тесть не должны видѣться и даже встрѣчаться съ момента стовора вплоть до вѣнчанія—это большой стыдъ. Поэтому и послѣ „той“ женихъ хотя и заходитъ въ юрту отца невѣсты, но это возможно лишь ночью, когда родители ея спятъ. Женихъ прямо и заходитъ за занавѣсью къ дѣвушкѣ. До „той“ же онъ и къ юртѣ близко не подходитъ, невѣсту ему приводить туда, гдѣ онъ остановился.

Коль скоро калымъ уплаченъ, отецъ жениха или онъ самъ чрезъ посланнаго просить тестя назначить день свадьбы. Назначеніе времени послѣдней зависитъ исключительно отъ тестя, и женихъ не можетъ требовать чтобы тесть поторопился.

Но вотъ свадьба назначена. Женихъ съ однимъ, двумя и болѣе товарищами, смотря по своему богатству, ѣдетъ въ аулъ тестя, ведя съ собой скоть и везя товаръ. Количество скота и товара „той-малъ“ зависитъ отъ условія съ тестемъ (условливаются заранее) и состоянія жениха: обыкновенно высшій размѣръ 50 кобыль, средній 5-10 кобыль и товару на 30—40 рублей.

Все это дарится тестю, угощеніе-же лежитъ на обязанности послѣдняго.

Въ числѣ подарковъ, привозимыхъ женихомъ въ послѣдній „той“, одинъ имѣетъ спеціальное названіе и назначеніе: это „сютакы“—подарокъ матери за вскормленіе невѣсты грудью. Величина подарка и время врученія различны: даютъ 100 барановъ,

Ихъ опять догоняютъ, козель переходитъ изъ рукъ въ руки, пока играющіе снова не собьются въ кучу. Опять въ тѣсной толпѣ пущены въ ходъ нагайки и слышны крики боли и задора и т. д. Куда бы не скакалъ завладѣвшій козломъ, за нимъ несутся и остальные, стараясь не дать ему добраться до цѣли. Вотъ онъ близокъ къ ней и мечтаетъ уже бросить козла къ ногамъ почетѣйшаго гостя на „той“, сидящаго обыкновенно около юрты, но являются и прочіе, отнимаютъ и вновь все уносятся въ быстрой скачавъ. Играющіе то сбиваются въ толпу, то разсыпаются. Страсти разгораются все болѣе. Козла рвутъ на части, отъ него летятъ клочки шкуры, уже онъ безъ ногъ, поднесенныхъ какому-нибудь старикау... Лошади, люди утомились; многіе отъ казались отъ участія въ игрѣ; народу все меньше и вотъ, наконецъ, счастливецъ прорывается сквозь цѣпь играющихъ и весь остальной козель съ сорванной шкурой, безъ ногъ, представляя собой кровавый кусокъ мяса, на всемъ скаку бросается къ ногамъ почетѣйшаго. Счастливцу тотчасъ же дается подарокъ, обыкновенно халатъ. Игра кончилась, но слѣды ея не скоро исчезаютъ: сиваки отъ ратгетъ и лошадиныхъ копытъ (при паденіи) долго еще заставляютъ помнить „той“ на свадьбѣ „такого-то“ киргиза. Случаются и серьезныя увѣчья.

или верблюда и лошадь, или ямбу и т. п. Обыкновенно „сютакы“ подносятся въ послѣдній „той“, иногда и въ другое время.

Женихъ можетъ прѣхать на свадьбу съ своими родителями, родственниками; это не запрещается, но считается крайнимъ стыдомъ для взрослого ѣздить съ родными.

По полученіи скота и товаровъ отъ товарища жениха тесть условливается о приданомъ, затѣмъ совѣтуется съ женой и близкими о назначеніи дня свадьбы и распредѣленіи предъ-свадебныхъ церемоній, при чемъ строго наблюдаютъ счастливые и тяжелые дни. Наконецъ все распредѣлено и приготовлено—остается звать гостей.

Одна изъ родственницъ невѣсты, непременно замужняя, наряжается въ лучшую одежду, надѣваетъ „саукуле“ (головной уборъ) и въ сопровожденіи джигита ѣдетъ съзывать гостей на пѣсни и „той“. Лошадь подъ ней убрана бубенчиками, покрыта лучшей попоной. Пышный нарядъ и тяжелое „саукуле“ такъ стѣсняютъ женщину, что безъ помощи другихъ она не можетъ сѣсть и на лошадь.

Едва на женщину надѣнутъ „саукуле“ и она выйдетъ изъ юрты, чтобы ѣхать звать гостей, какъ невѣста съ подругами начинаетъ заунывно пѣть: „о, о, ой, ой“ и т. д. Затѣмъ поднимается плачь, то плачетъ невѣста и ей вторять подруги. Плачь смѣняется пѣсней, лишь только подѣдетъ кто либо изъ гостей. Гости начинаютъ съѣзжаться до возвращенія посланной;—она вернется еще послѣ заката солнца: вѣдь ей нужно объѣхать много юртъ и позвать какъ можно болѣе родныхъ и постороннихъ. Собираются дѣвушки, женщины, мужчины и полувзрослые парни. Ихъ прѣздъ слышенъ издалека, отсюда несется пѣсня съѣзжающихъ. Невѣста, дѣвушки и женщины садятся въ юрты; число юртъ зависитъ отъ числа позванныхъ, а стало быть и отъ состоянія. Мужчины толпятся вокругъ юрты на открытомъ воздухѣ. Въ юртахъ женщины садятся парами около окраины (керега) лицомъ къ мужчинамъ. Кошма съ юртъ лѣтомъ снимается вовсе, зимой только поднимается на столько, чтобы поющіе видѣли другъ друга.

Мужчины попарно подходятъ, садятся противъ той пары дѣвушекъ, которая имъ болѣе нравится, и начинаютъ пѣть. Дѣвушки отвѣчаютъ имъ тоже пѣсней. Пѣсенъ собственно нѣтъ: пары ведутъ между собой разговоръ, слова котораго поютъ. Шумъ, смѣхъ, остроты со всѣхъ сторонъ. Удачное, острое словцо вызываетъ веселый смѣхъ окружающихъ. Пѣсни продолжаются всю или часть ночи. Угощеніе (чай, мясо) подается туда, гдѣ гости: женщинамъ въ юрты, мужчинамъ на воздухѣ. Женихъ въ это время сидитъ въ особой юртѣ, выставленной тестемъ, куда подается ему и угощеніе.

На слѣдующій день опять гости, но уже въ большемъ числѣ, такъ какъ не всѣ охотники до пѣсенъ, а до мяса какой киргизъ

не охотник! Весь день длится угощеніе, не ждуть когда всё соберутся, а какъ гость подѣдетъ, сейчасъ же и кормятъ. Этимъ днемъ оканчивается свадебный „той“.

Въ ночь, предшествующую дню вѣнчанія, четыре замужнія женщины приводятъ невѣсту въ юрту жениха. Не надо забывать, что женихъ не видится съ родителями невѣсты вплоть до вѣнчанія, потому и, пріѣхавъ вѣнчаться, не останавливается у нихъ. Но послѣ только-что описаннаго „тоя“ тестъ выставляетъ ему юрту неподалеку отъ себя. Въ эту-то юрту невѣсту и приводятъ. Сдавъ невѣсту жениху, четыре женщины (непремѣнно родственницы дѣвушки) выжидаютъ нѣкоторое время, потомъ входятъ къ молодымъ, осматриваютъ ихъ постель. Показавъ молодому кровь, получаютъ отъ него подарокъ—халатъ—и уходятъ.

Хотя теперь брачное сожителство у киргизовъ начинается ранѣе этого дня и родственницамъ незначто бы брать подарокъ, но обычай все же остался. Въ прежнее время отсутствіе крови вызывало сильныя распри между родами жениха и невѣсты, потому-то прежде, какъ говорятъ, не всякая дѣвушка позволяла жениху вступать въ права супруга. Нанимали даже женщинъ для подготовки постели, если конечно невѣста имѣла связь не съ женихомъ. Теперь смотрятъ хладнокровнѣе: ни распрей родовыхъ не бываетъ, ни женихъ не отказывается отъ невѣсты и молодую ждетъ лишь домашняя расправа.

На другой день—вѣнчаніе. Гостей не собираютъ, а присутствуютъ тѣ, кто самъ придетъ. Невѣста съ подругой и двумя женщинами—проводимыми со стороны жениха и невѣсты, хотя обѣ родственницы невѣсты—салятся за занавѣсъ („чемулдыкъ“). Мужчины: мулла, свидѣтель, отецъ невѣсты и прочіе сидятъ въ остальной части юрты. Женихъ входитъ, кланяется и садится за занавѣсъ рядомъ съ невѣстой. Мулла подаютъ чашку съ водой и онъ читаетъ молитву, по окончаніи которой посылаетъ киргиза—(этого киргиза мулла самъ приводитъ, онъ собственно и есть свидѣтель обряда)—спросить жениха и невѣсту, согласны-ли они быть мужемъ и женой. Послѣ отвѣтовъ, мулла говоритъ свидѣтелю: „Слышалъ, будешь свидѣтелемъ?“ и, получивъ утвердительный отвѣтъ, мулла лично уже спрашиваетъ жениха: „Что закладываешь въ той?“ Послѣ отвѣта жениха—„лошадь“ или болѣе—мулла говоритъ: „Эту лошадь (то, что названо женихомъ) ты не долженъ продавать, дарить: она принадлежитъ твоей женѣ“. Женихъ выражаетъ согласіе, а мулла снова читаетъ молитву, дуетъ въ воду и передаетъ чашку съ водой новобрачнымъ и присутствующимъ. Пить воду изъ чашки обязательно только для брачующихся, но вообще пьютъ всё, считая воду освященной. Затѣмъ мулла читаетъ молитву, присутствующіе дѣлаютъ „бату“, поздравляютъ молодыхъ и разѣзжаются. Мулла тотчасъ-же платятъ—даютъ

халатъ, ситецъ и т. п. Въ этотъ день тесть зоветъ къ себѣ зятя, сдаетъ ему приданое и дѣлаетъ подарокъ—халатъ.

Предъ отъѣздомъ къ мужу новобрачная прощается съ знакомыми и родней. Ей дарятъ ковры и т. п. Дарятъ только близкіе родственники.

Послѣ всего этого молодая съ своей матерью и мужемъ уѣзжаетъ въ юрту послѣдняго. Приданого съ ними идетъ: лошадь съ сѣдломъ, вышитой попоной и прочимъ приборомъ, (на ней ѣдетъ молодая), халаты, шубы, ковры, бѣлье и другое пошешное платье, саукүле, чай, чайникъ и другіе предметы хозяйства. Подъ свозъ этихъ вещей дарятъ одного или нѣсколько верблюдовъ. Вообще говоря, количество и разнообразіе вещей приданого зависитъ отъ тестя; очень богатые киргизы даютъ много ковровъ, шубъ, юрту и прочее; на перевозъ всего этого даютъ много скота.

При отправленіи молодыхъ наблюдаютъ, чтобы оно не случилось во вторникъ, пятницу и субботу—это дни тяжелые и, по повѣрью, киргизовъ въ эти дни не слѣдуетъ выдавать изъ дома скотъ и деньги, а такъ какъ отправляя дочь, увозится и приданое, то въ эти дни новобрачныхъ и не отпускаютъ. По пріѣздѣ молодыхъ домой родственники мужа собираются въ юртѣ его отца, а если его нѣтъ—въ юртѣ молодого. Новобрачная входитъ, кланяется, беретъ затѣмъ сало и выливаетъ на огонь. Послѣ этого двѣ замужнія родственницы мужа берутъ ее подъ руки и молодая вмѣстѣ съ ними кладетъ три поклона огню очага. Молодая дѣлаетъ небольшіе подарки родственникамъ мужа (халаты, ковры и т. п.). Отецъ мужа даритъ молодухѣ обыкновенно лошадь. Затѣмъ начинается угощеніе. Теща гоститъ у зятя отъ 2 до 15 дней и уѣзжаетъ, получивъ какой либо подарокъ. Собственно ей даютъ въ подарокъ, что-бы она ни попросила: верблюда, лошадь и т. п.

Какъ скоро у молодой родится ребенокъ,—сынъ или дочь все равно,—она отправляется съ нимъ къ отцу. Ее принимаютъ какъ дорогую гостью, угощаютъ и предъ отъѣздомъ къ мужу даютъ въ подарокъ скотъ (100 барановъ или 15—20 лошадей и менѣе).

Этимъ все кончается, и жизнь вступаетъ въ обычную колею. Вѣнчаніе не всегда бываетъ и въ настоящее время, а прежде оно бывало совсѣмъ рѣдко. Отецъ просто, безъ обрядности, передаетъ дочь зятю послѣ свадебнаго „тоя“. Въ одиннадцатомъ мѣсяцѣ (декабрь) и постомъ (сентябрь) свадьбы не бываетъ: въ это время можно сватать, дѣлать первый „той“, но вѣнчать не въ обычаѣ. У султановъ все такъ-же, разница лишь въ калымѣ, но о немъ ниже.

Промежутокъ отъ сватовства до перехода дѣвушки къ мужу весьма различенъ и не можетъ быть опредѣленъ даже прибли-

зительно; все зависитъ отъ обстоятельствъ и личнаго произвола. Обычай тутъ не при чемъ. Иной разъ проходятъ года, другой — недѣли.

Вышеописанный порядокъ и обрядность заключенія брачнаго союза выведенъ мной изъ сопоставленія массы отдѣльныхъ разсказовъ, провѣренныхъ и неоднократно личнымъ наблюденіемъ, и я съ полнымъ правомъ могу назвать его нормальнымъ, установленнымъ обычаемъ. Всѣ уклоненія отъ него, встрѣчающіяся въ свадьбахъ и зависящія отъ обстоятельствъ, крайне не важны.

Ниже я приведу нѣсколько случаевъ заключенія брачныхъ союзовъ, интересныхъ по исключительности обстоятельствъ и рисующихъ жизнь киргизовъ, ихъ заботы. Но даже и въ этихъ случаяхъ нельзя не видѣть соблюденія указаній обычая. Впрочемъ, прежде чѣмъ перейти къ этимъ примѣрамъ, скажу нѣсколько словъ о задаткѣ, калымѣ и приданомъ.

Тотчасъ какъ только отецъ дѣвушки согласится на предложеніе свата, старинный обычай обязываетъ послѣдняго дать первому — для передачи дѣвушкѣ — подарокъ „кыргабу“, а затѣмъ прислать изъ дома и задатокъ (батаякъ). Такъ какъ задатокъ обыкновенно не великъ (верблюдъ и лошадь, или только верблюдъ, или только лошадь, жеребенокъ и т. п.), то онъ и имѣетъ одно только нравственное значеніе. Но послѣднее дѣйствительно велико: получившій не можетъ уже отдать свою дочь за другого (нарушенія конечно встрѣчаются, хотя и рѣдко), и даже если женихъ или его отецъ въ продолженіе многихъ лѣтъ не платятъ калыма, отецъ дѣвушки все таки долженъ ждать совершеннолѣтія ея и только тогда можетъ требовать калымъ. При отказѣ отъ уплаты обращаются къ бію, который и приказываетъ платить, грозя въ противномъ случаѣ дать позволеніе выдать дѣвушку за другого безъ возврата задатка. По адату только біи могутъ дать такое позволеніе.

Иногда, если женихъ обдѣнѣлъ и не имѣетъ средствъ уплатить калымъ, онъ откровенно сознается отцу невѣсты и проситъ возврата задатка, освобождая тѣмъ его отъ дальнѣйшихъ обязательствъ.

Если женихъ не далъ при сватовствѣ задатка, то отецъ, выдавъ дочь за другого, ни чѣмъ не отвѣчаетъ предъ первымъ женихомъ. Если же задатокъ былъ данъ, то обманувшій долженъ уплатить обманутому жениху „аипъ“ и возвратить калымъ. Въ настоящее время „аипъ“ этотъ состоитъ изъ девяти отъ верблюда; въ прежнее же время онъ равнялся 6, 4 и 3 де-вяткамъ (отъ верблюда, лошади). Обманутому представляется право взять другую дочь, но тестъ все же не избавляется отъ уплаты аипа.

Теперь о калымѣ. Происхожденіе и причины установленія

его обычаемъ въ существующихъ размѣрахъ не извѣстны киргизамъ. Въ прежнее время при набѣгахъ на калмыковъ и каракиргизовъ они брали въ плѣнъ женщинъ, мальчиковъ и дѣвочекъ (джетымъ); плѣнники жили, росли и исполняли всѣ работы въ семьѣ хозяина. Цѣна на нихъ была различна отъ 15 до 25 лошадей. Султаны при женитьбѣ своихъ сыновей платили въ калымъ по 5 джетымъ, считая каждый въ 20 лошадей.

Со времени нашей власти рабство прекратилось, и султаны стали платить лишь скотомъ. Для состоятельныхъ султановъ калымъ остался прежній—100 байталъ, обѣднѣвшіе же—платятъ 47 и менѣе, наравнѣ съ прочими киргизами.

Джетымы принимались и у простыхъ киргизовъ въ калымъ, но обычая платить непременно ими не было. Они принимались по соглашенію съ тестемъ и въ цѣнѣ обоюднo договоренной. Такимъ образомъ и прежде въ калымъ главнымъ образомъ платили скотъ.

Для простыхъ киргизовъ обычай установилъ только два размѣра платы за невѣсту: 47 и 37 байталъ (послѣдній только въ одномъ исключительномъ случаѣ, о которомъ ниже). Практика же не только настоящаго, но уже и давно прошедшаго времени измѣнила постановленіе обычая и теперь размѣръ калыма положительно зависитъ отъ обоюднаго соглашенія. Есть множество примѣровъ браковъ съ самымъ разнообразнымъ калымомъ. Теперь даже и числа 47 почти нѣтъ за однимъ весьма рѣдкимъ исключеніемъ, именно: кто платитъ калымъ все хорошими лошадьми, тотъ долженъ уплатить только 47.

Самый же общій и обыкновенный въ настоящее время составъ калыма: 8 верблюдовъ, 13 кобылъ безъ жеребятъ (бойдакъ) и 8 кобылъ съ жеребятами. Прочіе составы калыма не могутъ быть и приведены, ибо весьма разнообразны; въ нихъ все условно и личный произволъ играетъ главную роль.

На сколько въ самомъ дѣлѣ разнообразенъ составъ калыма видно изъ приведенныхъ ниже примѣровъ.

Такимъ образомъ слова киргизовъ: „я уплатилъ въ калымъ 47 лошадей“ слѣдуетъ понимать условно. Разспросите любого киргиза, что именно уплочено въ число 47, и онъ навѣрное насчитаетъ 68, 70, 73 и болѣе байталъ ¹⁾.

Другое установленіе обычая неполный калымъ (37) не практикуется теперь вовсе, такъ какъ причина, побудившая обычай установить его, совершенно игнорируется нынѣшнимъ поколѣніемъ. Дѣло въ томъ, что по обычаю неполный калымъ (37) платился тогда только, когда брали замужъ сестру умершей жены. На сколько мнѣ удалось узнать, теперь этого нѣтъ. Прежде же подобные браки встрѣчались весьма часто и обычаемъ установле-

¹⁾ Одинъ байталъ=5 козламъ=5 баранамъ=коровѣ=лошади; верблюдъ=3, 4 или 5 байтадамъ.

ны были нѣкоторыя даже обязательныя правила. Такъ напримѣръ: если жена умереть, не проживъ съ мужемъ двухъ лѣтъ, то мужъ обязанъ былъ возвратить тестю: головной уборъ жены (саукуле), постели, данныя въ приданое, лошадь, на которой она пріѣхала въ юрту мужа, и верблюда, если онъ былъ данъ, на которомъ везлись вещи приданого. Если же жена умереть послѣ двухъ лѣтъ или ранѣе, но оставивъ дѣтей, то зять ничего не возвращаетъ тестю, хотя и беретъ замужъ другую его дочь. Въ обоихъ случаяхъ калымъ платился неполный. Конечно сестру умершей можно было взять только въ случаѣ, если она не просватана еще за другого.

Повторяю опять, что сестру умершей теперь почти не берутъ, а когда это и случается, то платятъ калымъ по условію, меньше чѣмъ за первую жену изъ уваженія къ родству, но отнюдь не 37, развѣ только случайно остановятся на этой цифрѣ. Саукуле и пр. возвращается тестю.

Перехожу теперь къ вопросу о приданомъ. О немъ немного можно сказать; здѣсь все предоставлено произволу, такъ какъ количество и цѣнность приданого зависитъ почти единственно отъ воли отца невесты. Хотя о приданомъ переговоры и ведутся, но все же претендовать на тестя не приходится, развѣ ужъ разниа между калымомъ и приданнымъ крайне велика (конечно у киргизовъ равнаго почти состоянія). Тогда зять рассказываетъ всѣмъ про такой дурной поступокъ тестя, стыдитъ, а подчасъ пожалуется и бѣямъ, а они заставляютъ прибавить немного.

Богатые киргизы обыкновенно не жалѣютъ средствъ на приданое и, не ведя переговоровъ о калымѣ, даютъ не только сообразно полученному калыму, часто огромному, но даже и на большую сумму. Если бы кто изъ богатей и захотѣлъ покуситься и дать поменьше, то стыдъ предъ другими и боязнь молвы о такомъ поступкѣ на столько сильны, что этого не случается.

Чтобы покончить съ приданнымъ, сдѣлаю еще одно замѣчаніе. Приданое, если его оцѣнить, приблизительно одинаково, по крайней мѣрѣ у состоятельныхъ киргизовъ, съ калымомъ. Про бѣдняковъ этого нельзя сказать: они почти ничего не даютъ въ приданое; у киргизовъ же средняго состоянія приданое хотя и меньше калыма, но разниа небольшая. Стало быть, вообще говоря, калымъ не составляетъ еще прямого убытка для женихагося. По моему мнѣнію, калымъ есть только мѣна скота на нѣкоторые необходимыя въ семейномъ быту предметы, на покупку которыхъ киргизъ употребилъ бы развѣ не много менѣе, чѣмъ уплатилъ въ калымъ.

Теперь приведу нѣсколько примѣровъ заключенія брачныхъ союзовъ и начну со сговора малолѣтнихъ.

Въ 1878 году киргизъ Арасанской волости Копальскаго уѣзда Сеитъ Мамановъ погналъ на Куяндинскую ярмарку быковъ и барановъ. Часть скота онъ продалъ, а другая часть заболѣла болѣзною ногъ (сарышъ), такъ что продать оказалось невозможнымъ. Куда дѣть скотъ? гнать назадъ—нельзя, пришлось волей неволей оставить, а для того, чтобы имѣть менѣ сомнѣній въ его сохранности, Сеитъ рѣшился породниться съ кѣмъ либо изъ вліятельныхъ и богатыхъ киргизовъ. Узнавъ чрезъ разспросы, что у киргиза Альдеке, хорошаго и богатаго человѣка, служившаго много лѣтъ волостнымъ управителемъ, есть дочь шести лѣтъ, Сеитъ рѣшился высватать эту дѣвочку за своего племянника, восьмилѣтняго мальчика, сына киргиза Труспека (братъ Сеита). Взявъ съ собою восемь товарищей, Сеитъ поѣхалъ къ Альдеке и, рекомендовавшись братомъ волостного управителя Труспека, предложилъ ему отдать дочь за сына Труспека. Альдеке отвѣтилъ: „киргизы Каркаралинскаго уѣзда, покупающіе ежегодно въ Копальскомъ уѣздѣ хлѣбъ, всегда хвалятъ волостного управителя Труспека и его отца Мамана, за то, что киргизы этой волости не воруютъ у нихъ скотъ, поэтому онъ—Альдеке—согласенъ быть сватомъ хорошихъ людей.“

Сеитъ тотчасъ же подарилъ Альдеке 100 барановъ, 10 быковъ и 10 рублей (задатокъ). Послѣдній закололъ пять барановъ и, созвавъ своихъ родственниковъ, угостилъ гостей.

На другой день Альдеке подарилъ Сеиту 4 верблюда, 1 лошадь и халатъ, а восьми его товарищамъ 4 лошади, 8 халатовъ и 6 концовъ падшан (сартская матерія).

Разговора о калымѣ не было, потому что Труспекъ и Альдеке богачи и калымъ будетъ уплачиваться постепенно, не считая, до совершеннолѣтія ихъ дѣтей.

Изъ этого примѣра видно, что сватовство бываетъ иногда вынуждено расчетомъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь жалко же было бросить скотъ на произволъ судьбы, какъ говоритъ Сеитъ; вотъ онъ и рѣшилъ судьбу двухъ дѣтей, не подумавъ ни разу хороша-ли будетъ ихъ жизнь. Да и стоитъ-ли думать: всѣ вѣдь такъ дѣлають, а скотъ будетъ сохраненъ. Расчетъ конечно не всегда играетъ роль; сговариваютъ своихъ дѣтей два пріятеля и посторонніе другъ другу киргизы изъ желанія породниться. Во всѣхъ однако случаяхъ судьба дѣтей не можетъ приниматься во вниманіе. При такомъ обычаѣ естественно стремленіе администраціи помочь дѣвушкамъ избавиться отъ навязаннаго ей съ пеленокъ мужа, но тѣмъ не менѣ очень рѣдко обращаются къ русской власти, хотя бы уже могли изъ вѣсколькихъ примѣровъ убѣдиться, что помощь русскихъ за ними обезпечена. Этотъ фактъ, по моему мнѣнію, объясняется во 1-хъ, и это главное,—привычкою къ обычаю, практикуемому въ теченіе столѣтій, во 2-хъ боязнью, ибо нарушеніе обычая влечетъ за собой баранту, грабежъ и подчасъ убійство, и въ 3-хъ иногда неимѣніемъ случая принести жалобу лично уѣздному начальнику, такъ какъ рѣдкой удастся добраться до города. А между тѣмъ сговореннымъ съ малолѣтства живетъ подчасъ куда какъ плохо. Напримѣръ маѣ не мало пришлось видѣть

въ Уѣздномъ Управленіи женщинъ избитыхъ, израненныхъ, разъ даже съ проколотой насквозь ляшкой, съ содранной желѣзными путами кожей и съ избитыми нагайкою спиной и животомъ. При томъ еще не надо забывать, что жаловаться не всѣмъ возможно и если эти женщины, не смотря на доказанное сопротивленіе мужей, успѣли добраться до города, то въ степи навѣрное есть много другихъ избитыхъ, которымъ и ѣхать далеко, да и мужья ихъ приняли лучшія мѣры съ цѣлью не пропустить несчастныхъ женъ въ городъ. Но кромѣ истязуемыхъ въ степи есть еще другой разрядъ женщинъ, житье которыхъ тоже не всегда весело. Я подразумеваю здѣсь тѣхъ, которыя, не выйдя еще замужъ, перемѣнили уже нѣсколькихъ жениховъ—братьевъ, (если женихъ умереть, дѣвушка дѣлается невѣстой его малолѣтняго брата). Онѣ правда мало о себѣ заявляютъ, такъ какъ въ теченіе шестилѣтней службы въ Копаль мнѣ пришлось слышать только одну жалобу, но вѣдь не можетъ же быть, чтобы всѣ изъ нихъ были довольны своей судьбой. Жалоба, слышанная мной, состояла въ слѣдующемъ: въ Управление пришли жена и мужъ. Первой 35 лѣтъ, второму 15 (имена къ сожалѣнію забылъ). Прежде, чѣмъ повѣнчаться съ теперешнимъ мужемъ, она пережила двухъ его братьевъ и теперь пришла жаловаться на неспособность мужа къ отправленію супружескихъ обязанностей. Освидѣтельствованіе мужа уѣзднымъ врачомъ подтвердило ея претензію и начальникъ уѣзда далъ ей разводъ.

1) Для полноты картины приведу здѣсь одинъ рассказъ, сообщенный мнѣ самимъ женихомъ и подтвержденный его и невѣсты родителями.

У киргиза Кеспера было два сына; для старшаго высватали дѣвушку Самылдукъ, но онъ умеръ и 17-лѣтняя теперь Самылдукъ стала невѣстою маленькаго сына Кеспера—Джилкибай. Этотъ 9-лѣтній женихъ съ маленькимъ товарищемъ, тайкомъ отъ своихъ родителей и не зная невѣсту даже и въ лицо, отправился въ аулъ Самылдукъ и по дорогѣ взялъ съ собою изъ юрты отца 4 куска падшаи (сартская матерія), а изъ табуна лошадь. По пріѣздѣ онъ подарилъ это все двумъ родственницамъ невѣсты, за то, чтобы онѣ тайкомъ отъ родителей привели къ нему Самылдукъ. Родственницы устроили ему маленькій кошъ изъ трехъ палокъ и кошмы и, желая подшутить, два раза приводили къ нему другихъ дѣвушекъ и только благодаря своему товарищу, подсказывавшему, что эта дѣвушка не его невѣста, Джилкибай наконецъ дождался привода Самылдукъ и провелъ съ ней наединѣ ночь. По откровенному разсказу этого мальчика-мужа невѣста его очень стыдилась. Этотъ Джилкибай, ростомъ и лѣтами совершенный младенецъ, настолько уже физически развитъ, что постоянно говоритъ своему отцу, недавно женившемуся на третьей женѣ, „ты все женишься, а я когда же?“ Во вниманіе къ такому ненормальному раннему развитію родители хотятъ сыграть свадьбу черезъ 3-4 года.

Слушая этотъ рассказъ, повторяю вполнѣ справедливый, а не вѣрилъ себѣ, что это рассказываетъ 9-лѣтній мальчикъ! Можетъ ли невѣста его быть довольна своей судьбой? и вѣроятно если наружно и де-

вольна, то только по неволѣ или въ виду хорошихъ нарядовъ, такъ какъ Кесперъ очень богатъ.

2) Киргизка (Біенъ Куяндинской волости Копальскаго уѣзда) Машай, дочь Джанака, была еще ребенкомъ просватана за сына киргиза (той же волости) Найзабека. Джанакъ уже получилъ половину калыма, какъ женихъ умеръ и Машай, по обычаю, должна была выйти за брата умершаго—Абдрака. Въ это время (начало 1875 года) Машай увидѣла Ибраима (Нижне Каратальской волости) и они полюбили другъ друга. Ибраимъ рѣшился посвататься, для чего съ отцомъ своимъ Бекомъ и пятью родственниками поѣхалъ къ Джанаку. По пріѣздѣ Бекъ просилъ выдать Машай за Ибраима и когда Джанакъ согласился, то Бекъ тотчасъ же подарилъ ему одного верблюда (задатокъ). Самъ женихъ Ибраимъ все это время не показывался и сидѣлъ въ другой юртѣ. Калыма по обоюдному согласію было выговорено 47—байталъ. Началось угощеніе; Джанакъ зарѣзалъ 5 барановъ и, созвавъ своихъ родственниковъ угостилъ всѣхъ. Ибраиму чай и мясо подавали въ особой юртѣ. Вечеромъ одна родственница провела Машай въ юрту Ибраима, за что и получила подарокъ—халатъ. Машай почевала съ Ибраимомъ и послѣдній, взявъ у ней серебряное кольцо, подарилъ ей другое. Утромъ на другой день Джанакъ подарилъ Беку одного верблюда, Ибраиму и прочимъ съ ними пріѣхавшимъ по халату; затѣмъ женихъ и сваты уѣхали домой.—

Черезъ шесть дней Джанакъ съ пятью родственниками пріѣхалъ за калымомъ. Бекъ зарѣзалъ 6 барановъ и, созвавъ своихъ родственниковъ угостилъ гостей мясомъ и чаемъ. Утромъ на другой день Бекъ подарилъ Джанаку одного верблюда, одному изъ его родственниковъ лошадь а прочимъ четыремъ родственникамъ по халату и кромѣ того въ калымъ заплатилъ 20 лошадей. Получивъ подарки и часть калыма, Джанакъ уѣхалъ домой. Черезъ 4 дня Ибраимъ, взявъ съ собой лошадь и кусокъ падшай поѣхалъ къ невѣстѣ и, не доѣзжая до юрты ея отца, остановился у знакомаго киргиза. Вечеромъ жена Вайджумарта (Вайджумартъ сынъ Джанака) привела къ Ибраиму Машай. Женихъ пробылъ здѣсь два дня и обѣ ночи провелъ съ невѣстой. Женѣ Вайджумарта онъ подарилъ лошадь и привезенную матерію. Все лѣто Ибраимъ не навѣщалъ невѣсту и свидѣлся съ нею уже при исключительныхъ обстоятельствахъ. Осенью Ибраимъ былъ въ г. Копалѣ и вдругъ къ нему на квартиру пришла Машай (она жила въ 7 верстахъ отъ города) и сказала: „отецъ хочетъ отдать меня силой за Абдрака Назайбекова, и я пришла жаловаться уѣздному начальнику“. Родственникъ Джанака копальскій купецъ Садыкъ Мухтаровъ, узнавъ, что Машай у Ибраима, взялъ съ собой нѣсколькихъ татаръ и схвативъ ее, увезъ къ отцу, у котораго Машай пробыла только 3 дня, а потомъ Джанакъ отправилъ ее къ Найзабеку, хотя она съ Абдракомъ и не была повѣнчана. Ибраимъ пожаловался начальнику уѣзда, который и приказалъ привезти Машай въ Копалъ. Но несмотря на повторенное еще разъ приказаніе, Назайбекъ первый разъ просто не отпустилъ Машай, а во второй разъ отвѣтилъ, что она больна. Тогда начальникъ уѣзда приказалъ управителю Біенъ Куяндинской во-

лости Стамбеку Аксеркину во что бы то ни стало привезти Машай въ Управленіе. Доставить-то онъ доставилъ, но на вопросъ уѣзднаго начальника Машай отвѣтила: „Ибраима я не знаю, я должна и желаю выйти за Абдрака. Ибраимъ укралъ меня изъ юрты и привезъ въ Копаль“. Послѣ такого отвѣта начальникъ уѣзда отказалъ Ибраиму въ просьбѣ о выдачѣ за него Машай и отпустилъ послѣднюю домой; она ушла къ отцу. Но чрезъ два дня Машай сама прибѣжала въ Копаль и сказала: „все что я прежде вамъ сказала, не правда. За Абдрака я выходить не желаю, меня принуждаютъ къ тому силой. За Ибраима же я просватана давно и боялась только вамъ сказать, потому что волостной управитель „Стамбекъ, мой отецъ Джанакъ и другіе киргизы, отправляя меня по вашему требованію въ Копаль, сказали: если ты скажешь уѣздному „начальнику, что желаешь выйти за Ибраима, то мы тебя убьемъ и въ „доказательство своихъ словъ надѣвали мнѣ на шею даже петлю“. Начальникъ уѣзда внялъ просьбѣ и отдалъ Машай Ибраиму, обязавъ послѣдняго уплатить калымъ въ размѣрѣ, какой присудятъ бии. Ибраимъ согласился и увезъ невѣсту домой къ своему отцу. Киргизамъ Біенъ Куяндинской волости конечно не понравилось это распоряженіе и вотъ они рѣшились выместить свою досаду на скотъ родственниковъ Бека и, собравшись подъ предводительствомъ Сексембая Утегонева, извѣстнаго въ волости вора, напали на киргизовъ Нижне-Каратальской волости, родственниковъ Бека, и угнали у нихъ 700 барановъ. Ибраимъ и Машай испугались и убѣжали въ гор. Вѣрный. Начался цѣлый рядъ жалобъ со стороны ограбленныхъ и ихъ претензіи должны были разобратся на чрезвычайномъ сѣздѣ (1876), но стороны, не доведя дѣло до суда бievъ, окончили расчетъ добровольно и Нижне-Каратальскіе киргизы получили съ Біенъ-Куяндинскихъ 500 барановъ. Осенью (1876) былъ разобранъ третейскимъ судомъ бievъ по выбору Абдрака и Бека и искъ Абдрака о заплоченномъ Джанаку калымѣ за Машай. Судъ постановилъ: „Бекъ „уплатить Абдраку: 100 лошадей, 200 рублей, 2 верблюда и 2 иноходца „и бійлыка 50 рублей“. Едва Бекъ успѣлъ уплатить по этому рѣшенію, какъ къ уѣздному начальнику явился Джанакъ и заявить, что Абдракъ получилъ больше, чѣмъ далъ ему въ калымъ. Уѣздный начальникъ приказалъ ему обратиться къ біямъ, которые и присудили Джанаку одну лошадь съ Абдрака. По окончаніи всѣхъ этихъ рѣшеній вернулся и Ибраимъ съ Машай, но все еще изъ боязни кочевали не въ своей, а въ Байгалы-Канчелинской волости, гдѣ была и свадьба ихъ. На ней присутствовали отецъ и мать Ибраима, со стороны же Машай никого. Мултѣ заплатили 8 аршинъ хорошаго ситца. Обрядъ вѣнчанія я здѣсь не буду описывать, такъ какъ онъ одинаковъ съ описаннымъ выше. Приданнаго Ибраимъ не получилъ.

Этотъ случай наглядно доказываетъ, какъ трудно дѣвушкамъ избавиться отъ навязаннаго обычаямъ жениха и выйти за любимаго человека. Не у всѣхъ хватитъ столько энергіи и средствъ, да и не всѣ дѣвушки живутъ такъ близко отъ города.

3) Киргизъ Арасанской волости, Копальскаго уѣзда Есембекъ Тане-

кинь увидѣлъ въ Байгалы Койчилинской волости киргизку Чалипу, дочь Даулетпака; она понравилась, и онъ тайкомъ отъ всѣхъ переговорилъ съ ней и спросилъ: не согласится ли она выйти за него. Чалипа согласилась, и Есембекъ пошелъ къ ея отцу Даулетпаку сватать. Послѣдній хотя и согласился, но сказалъ: Чалипа уже просватана за киргиза Вѣрненскаго уѣзда Нарбуту, и онъ боится, какъ бы чего не вышло. Чтобы успокоить Даулетпака, Есембекъ обязался письменно заплатить по всѣмъ искамъ за Чалипу со стороны Вѣрненскихъ киргизовъ и въ то же время негласно заплатилъ Даулетпаку 40 лошадей, 30 верблюдовъ и 200 рублей. А для того, чтобы не подвергать особымъ неприятностямъ самого Даулетпака и его родственниковъ, было условлено, что Есембекъ пришлетъ за Чалипой джигитовъ и какъ бы украдетъ ее безъ вѣдома Даулетпака. Иначе, т. е. еслибы отецъ Чалипы отдалъ ее Есембеку гласно, киргизы Вѣрненскаго уѣзда могли бы убить Даулетпака и ограбить его родоначальниковъ. По приѣздѣ домой Есембекъ послалъ 5 джигитовъ, которые разыграли сцену похищенія великолѣпно и привезли Чалипу въ Копаль. Здѣсь встрѣтилъ ее Есембекъ и научилъ идти къ начальнику уѣзда пожаловаться, что ее маленькую просватали за Нарбуту, котораго она не любитъ и не хочетъ быть его женой и поэтому просить освободить ее отъ этого брака, отнюдь не говоря о желаніи выйти за Есембека. Жалоба была выслушана и, по незнанію закулисной стороны дѣла, Чалипѣ дано свидѣтельство о свободѣ съ обязательствомъ возвратить Нарбутѣ калымъ. Черезъ нѣсколько дней и Есембекъ явился въ управленіе и просилъ позволенія жениться на Чалипѣ; это было позволено, такъ какъ послѣдняя согласилась. Свадьба состоялась тотчасъ же въ Копаль. Со стороны Чалипы не было никого, а со стороны Есембека только отецъ, мать и братья его, остальные всѣ—татары и сарты. Тотчасъ послѣ свадьбы Есембекъ далъ Чалипѣ отдѣльную юрту, 500 барановъ, 100 лошадей, 10 верблюдовъ, 10 коровъ и разнаго имущества, купленнаго на базарѣ, на 500 рублей. Какъ ни чисто было обдѣлано дѣло, но тѣмъ не менѣе киргизы Вѣрненскаго уѣзда стали мстить Даулетпаку и его родственникамъ. Началась баранта, воровали обоюдно и добыча каждой стороны насчитывалась тысячами. Все это окончилось на чрезвычайномъ Сѣздѣ (1875 года) и Вѣрненскіе киргизы заплатили Копальскимъ излишекъ наворованнаго — 50 лошадей. Тутъ же окончилось и дѣло по иску Нарбуты съ Есембекомъ калыма и убытковъ за Чалипу. По рѣшенію послѣдній заплатилъ первому 100 лошадей и 210 рублей. Послѣ всѣхъ этихъ расчетовъ Даулетпакъ привезъ Есембеку и приданое: 7 верблюдовъ, 1 лошадь бѣгунца (байговая), 7 тулуповъ на лисьемъ мѣху (6 мужскихъ, 1 женскій), 7 коровъ, 7 одѣялъ (шаи, батшай и ситцевыхъ), саукле и 25 халатовъ (женскихъ и мужскихъ).

4) Киргизка Ману, дочь Танеке Дюсетова была просватана за киргиза Нижне-Каратальской волости Алсай Сапакъ. Размѣръ калыма опредѣленъ не былъ, такъ какъ Танеке богатъ, а Алсай хорошій человекъ. Къ началу 1870 года часть калыма уже была уплачена. Въ 1870 году приѣхалъ къ Танеке изъ Сергіопольскаго уѣзда киргизъ Тлеулы Мата-

евъ съ 4 товарищами и сталъ свататься за Ману. Танеке дома не было и его сынъ Есембекъ отказалъ Тлеулы, сказавъ, что Ману просватана. Тлеулы спросилъ: „а если дѣвка сама пожелаетъ за меня?“ Есембекъ отвѣтилъ: „все равно нельзя“. Той же ночью Тлеулы схватилъ Ману и увезъ ее къ себѣ. На утро Есембекъ, узнавъ въ чемъ дѣло, собралъ 300 вооруженныхъ киргизовъ изъ своего рода Каптагай и отправился въ погоню. Отцу своему онъ послалъ джигита рассказать о похищеніи Ману и просилъ его ѣхать къ аулу Тлеулы. Танеке прибылъ тотчасъ же. Ночью отрядъ подошелъ и окружилъ аулъ похитителя. Начался грабежъ. Ожесточенный Танеке не приказалъ щадить, и множество раненыхъ свидѣтельствовали объ усердіи его шайки. Убитыхъ впрочемъ не было. Тлеулы испугался и выдалъ Ману отцу ея, а для того, чтобы удовлетворить обиженныхъ похищеніемъ каптагайцевъ, онъ далъ Танеке подарки: 300 рублей, 1 иноходца съ сѣдломъ въ серебрѣ и 1 лошадь бѣгунца съ сѣдломъ въ серебрѣ. Танеке удовлетворился и съ своими людьми и Ману вернулся домой. Вслѣдъ за ними пріѣхалъ Тлеулы и вновь просилъ отдать за него Ману. Танеке согласился, потому что „выдать за Алсая неловко, какъ бы не было упрековъ и укоровъ, что Ману согласилась сама бѣжать съ Тлеулы“, но потребовалъ съ Тлеулы въ калымъ 1000 рублей и 100 верблюдовъ. Послѣдній согласился, и Танеке зарѣзавъ барановъ, созвалъ родственниковъ и угостилъ. Послѣдующая обрядность совершенно сходна съ описанной въ нормальномъ случаѣ, разница только въ подаркахъ и приданомъ, но къ сожалѣнію никто не помнитъ, что именно и сколько дарилось, шло на угощеніе и дано въ приданое. Ограбленные и израненные родственники Тлеулы не получили конечно ничего, такъ какъ въ то время никто не смѣлъ и пикнуть противъ Танеке.

Примѣры эти доказываютъ, какъ тяжело приходится не только укравшему или женившемуся на любимой дѣвушкѣ съ разрѣшенія уѣзднаго начальника, но даже и ихъ родичамъ, ни въ чемъ неповиннымъ. Киргизы мстятъ во всякомъ случаѣ; набѣги и баранта иногда достигаютъ солидныхъ размѣровъ. Алсай, правда, не мститъ Танеке, но кто же и рѣшится на это? Танеке въ тѣ года былъ сила, сила страшная для киргизовъ. Мщеніе его не знало бы границъ, что и видимъ на Тлеулы. Но какъ только оставимъ Танеке, то найдемъ вездѣ баранту и большіе расходы. Тлеулы, Цаулетпакъ и Бекъ съ ихъ родственниками поплатились жестоко, отецъ Ибраима значительно обѣдѣлъ послѣ уплаты за Машай по рѣшенію біевъ, Есембекъ заплатилъ тоже не мало, хотя для него такая уплата и не значила ничего.

Такимъ образомъ нарушеніе обычая вызываетъ волненіе и сопряжено съ такими расходами, что дѣвушкѣ и ея несостоятельному возлюбленному трудно справиться. Естественно отсюда, что первая въ громадномъ большинствѣ случаевъ вполне подчиняется обычаю.

5) Бій (Айтбузововской волости, Южнаго участка, Кульджинскаго района) Коджаке, когда ему было 16 лѣтъ, слышалъ отъ киргиза Бекъ-Назара, что у киргиза Дерипсала есть хорошенькая дочь. Коджаке рѣ-

шился посвататься и предварительно послалъ Бекъ-Назара узнать, отдадутъ ли за него. Дерипсалъ согласился, и Коджаке послалъ своего брата сватать. Последний, взявъ съ собой пять товарищей и 1 лошадь, пріѣхалъ къ Дерипсалу и когда получилъ согласіе на предложеніе, то подарилъ отцу дѣвушки лошадь (задатокъ). Въ калымъ условились заплатить 83 байтала. Дерипсалъ созвалъ родственниковъ и для угощенія ихъ и сватовъ зарѣзалъ 3-хъ барановъ и 1 лошадь. На другой день Дерипсалъ, провожая сватовъ, подарилъ брату Коджаке 1 верблюда и 1 лошадь, а 5 его товарищамъ по халату. Черезъ мѣсяцъ Дерипсалъ съ 4 товарищами пріѣхалъ за калымомъ. Коджаке чрезъ брата угостилъ его и созданныхъ родственниковъ и заплатилъ въ калымъ 3 верблюда (за 15 лошадей) и 10 лошадей. Черезъ два мѣсяца Дерипсалъ опять пріѣхалъ за калымомъ и получилъ 60 барановъ (за 12 лошадей). Черезъ годъ снова пріѣхалъ и получилъ 15 лошадей. Черезъ два дня послѣ этого поѣхалъ и Коджаке къ невѣстѣ. Съ нимъ былъ 1 товарищъ. Не доѣзжая юрты Дерипсала, Коджаке остановился, а товарища послалъ къ снохѣ невѣсты сказать, что онъ, Коджаке, пріѣхалъ. Сноха пришла и, получивъ въ подарокъ халатъ, привела къ нему ночью невѣсту. Коджаке провелъ съ послѣдней цѣлую ночь, а на разсвѣтѣ уѣхалъ домой, взявъ у невѣсты кольцо на память. Черезъ 3 мѣсяца Дерипсалъ опять пріѣхалъ за калымомъ и получилъ 6 кобылъ съ жеребятами, 2 кобылы безъ жеребятъ и одну трехлѣтнюю лошадь (за 2 жеребенка). Наконецъ, чрезъ 4 мѣсяца Дерипсалъ пріѣхалъ послѣдній разъ и получилъ 5 лошадей, 5 коровъ и 1 верблюда (за 5 лошадей). Этимъ закончилась уплата калыма. Черезъ 20 дней послѣ этого Коджаке поѣхалъ къ невѣстѣ, взявъ съ собой 1 верблюда (для матери невѣсты) и товаровъ на 30 барановъ. Дерипсалъ созвалъ родственниковъ и, зарѣзавъ 1 лошадь и 1 корову, угостилъ всѣхъ. $\frac{2}{3}$ товаровъ Дерипсалъ взялъ себѣ, а $\frac{1}{3}$ раздѣлили собравшіяся женщины. Вечеромъ невѣсту пригласили въ гости въ сосѣдній аулъ, гдѣ собравшіяся дѣвушки и молодежь пѣли пѣсни. На разсвѣтѣ Коджаке уплатилъ хозяину юрты выкупъ 1 халатъ. Здѣсь Коджаке прожилъ два дня; а за то, что сноха приводила къ нему по ночамъ невѣсту, онъ дарилъ ей каждый разъ по халату. Черезъ мѣсяцъ онъ собрался окончательно взять къ себѣ невѣсту, для чего взялъ съ собой 7 лошадей, 2 коровы и 1 верблюда и поѣхалъ съ товарищемъ къ Дерипсалу, которому и подарилъ все это. Дерипсалъ закололъ 1 лошадь и 2 коровы, собралъ своихъ родственниковъ и угостилъ. Потомъ позвали муллу. Коджаке съ женой и ея матерью уѣхалъ домой на другой день; съ нимъ пошло приданого: 2 лошади, 4 верблюда, 1 хорошая юрта, саукле, 9 коровъ, 9 шубъ (крытыхъ сукномъ и бархатомъ), 9 халатовъ и 7 шубъ (3 на лисьемъ и 4 на бараньемъ мѣху). Мать прожила у Коджаке 2 дня и, получивъ въ подарокъ иноходца, уѣхала. Черезъ 2 года жена Коджаке родила сына и поѣхала съ нимъ къ Дерипсалу. Ее угощали и предъ отъѣздомъ отецъ подарилъ ей 100 барановъ, 1 верблюда, 10 лошадей, 5 коровъ и 1 иноходца.

6) Киргизъ Южнаго участка, Кульджинскаго района, Конурбурковской волости Чокоманъ, услышавъ, что у киргиза Сюрте есть дѣвка, поѣхалъ къ нему съ товарищемъ. Дѣвушка, по имени Джакій, сидѣла въ юртѣ съ отцомъ и матерью, когда Чокоманъ вошелъ. Сюрте спросилъ Чокомана: „зачѣмъ пріѣхалъ“. Послѣдній отвѣтилъ: „у тебя есть незамужняя дѣвушка, я хочу взять ее въ жены“. Сюрте сказалъ: „согласенъ“ и прибавилъ: „если не дашь задатка, могу отдать за другого“. Чокоманъ взялъ привезенный съ собой пятирублевый халатъ и надѣлъ на Джакій. Послѣдняя сказала: „не буду надѣвать этотъ халатъ“. Тогда ея мать встала и, сказавъ: „если ты не будешь надѣвать, то я надѣву“, надѣла на себя. Калыма было условлено 51 байталъ. Послѣ этого Чокоманъ уѣхалъ домой. Черезъ мѣсяцъ Чокоманъ поѣхалъ опять къ Сюрте, который, собравъ родственниковъ, зарѣзалъ 3 барановъ и угощалъ. Собравшіеся поздравляли Чокомана „съ пойманной птицей“ (Кшумъ Кутты бужунъ), а Сюрте съ свадьбой. Послѣ угощенія всѣ разѣхались. Чокоманъ тоже хотѣлъ уѣхать и сказалъ Сюрте: „я уѣду“, но послѣдній остановилъ его и подарилъ ему девятку отъ лошади: лошадь, аракинъ, 2 халата, поясъ, рубашку, подштанники, сапоги и ситца 8—9 аршинъ. („Атъ бастабъ тогузъ кінтъ“). Потомъ Чокоманъ съ Сюрте поѣхалъ къ себѣ домой и въ два раза (въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ) заплатилъ послѣднему въ калымъ: 29 лошадей, одного иноходца (за 5 байталъ), 2 коровы (за 2 байтала), 1 капъ муки ($1\frac{1}{2}$ четверти), 1 капъ сарачинской крупы и 19 концовъ дабы (мука, крупа и даба за одинъ байталъ) и 2 верблюда (за 14 байталовъ). Черезъ 2 года Чокоманъ съ товарищемъ поѣхалъ къ Сюрте и, не доѣзжая его юрты, остановился (въ юртѣ знакомаго). Послалъ товарища къ Сюрте узнать, скоро-ли свадьба. Сюрте отвѣтилъ: „если Чокоманъ дастъ мнѣ 1 верблюда, 1 лошадь и ситца на 25 рубашекъ (джиртысъ), то я сдѣлаю свадьбу“. Родственницы невѣсты выставили для Чокомана юрту и передъ вечеромъ одна изъ нихъ пришла къ нему и сказала: „что дашь, если приведу къ тебѣ Джакій?“ Чокоманъ далъ ей два конца дурьи (полумелковая матерія) и 8 аршинъ ситца. Переночевавъ эту ночь съ невѣстой, на утро Чокоманъ уѣхалъ домой и, взявъ съ собой: 1 верблюда, 1 лошадь и ситца на 25 рубашекъ, поѣхалъ къ Сюрте. Свадьба совершилась какъ обыкновенно. Приданого пошло съ Чокоманомъ и Джакій: 1 лошадь, 5 халатовъ и 2 шубы. А когда родился у нихъ ребенокъ, то Сюрте подарилъ Джакій 1 корову и 2 лошади. Сюрте счелъ бѣденъ. Мать Джакій прогостила у Чокомана 15 дней, и послѣдній подарилъ ей: 1 лошадь, халатъ и платокъ.

Этими примѣрами я и ограничу описаніе брачнаго союза у киргизовъ. Изъ нихъ уже можно составить полное представленіе о тѣхъ волненіяхъ и расчетахъ, которыми сопровождается всякое не обычное заключеніе брака.

По адату, взята дѣвушку въ жены можно не иначе какъ съ согласія ея родителей и всякое нарушеніе обычая наказывается. Хотя со времени нашей власти уже и не то, т. е. и помимо

отца берутъ дѣвушку въ замужество, тѣмъ не менѣ такіе счастливы значительно платятся.

Приведу кстати тѣ постановленія обычая, которыя ограждаютъ права родителей на дочерей и мужей на женъ, т. е. приведу постановленія за увозъ дѣвушки и женщины, за изнасилованіе ихъ и сожительство съ ними.

Увозъ дѣвушки безъ ея и родителей согласія случается чрезвычайно рѣдко, какъ по трудности выполненія, такъ и изъ боязни возмездія. Всякій насильственный увозъ считается оскорбленіемъ, нанесеннымъ всему роду, къ которому принадлежитъ похищенная, и сопровождается набѣгами, барантой, а иногда и рѣзней и такъ до той поры, пока дѣвушка не будетъ выручена и обида не отомщена. Хотя въ настоящее время и не допускается такое самоуправство, тѣмъ не менѣ баранта бываетъ непременно.

Расчеты за баранту хотя и дѣлаются, но не вполне достигаютъ цѣли, ибо ни одинъ бій, даже при всемъ его желаніи, не въ состояніи разобрать всю путаницу, порожденную обоюднымъ грабежомъ. Если же вспомнить, что каждый бій тянетъ на свою сторону, то станетъ совершенно понятнымъ, почему присуждается только часть. Похититель же и его родня остаются въ убыткѣ.

Увозъ дѣвушки, хотя бы съ ея согласія, въ прежнее время оплачивался, кромѣ калыма, 3-4 девятками аипа. Теперь же за увозъ платится калымъ и одна девятка отъ верблюда въ аипъ. Обыкновенно бии присуждаютъ 100 или 73 лошади и 100 рублей—тутъ калымъ, аипъ и бійдыкъ.

За дѣвушку непросватанную все получаетъ отецъ ея; за просватанную женихъ, если только, онъ уплатилъ тестю весь калымъ; въ противномъ случаѣ онъ получаетъ аипъ и включенный въ калымъ скотъ, остальное же беретъ отецъ похищенной. Дѣвушка въ обоихъ случаяхъ остается у похитителя. Если женихъ увезетъ свою невѣсту безъ разрѣшенія отца ея, то платитъ ему одну девятку отъ лошади. За увозъ чужой жены съ ея согласія виновный платитъ мужу девятку отъ верблюда и менѣ, а увезенная возвращается мужу. ¹⁾

Во всѣхъ этихъ случаяхъ аипъ получается по рѣшенію биевъ. Кромѣ аипа присуждаются и расходы по розыску виновнаго.

¹⁾ Примѣръ: Киргизъ Конурбурговской волости Алмень Тохтыбаевъ увезъ жену киргиза Мергембе Акымбекова—Санды. Увозъ состоялся съ согласія Санды. Чтобы скрыть слѣды, Алмень отправилъ Санды съ своимъ родственникомъ въ другой уѣздъ. Однако Мергембе скоро узналъ все и пожаловался волостному управителю, а этотъ заставилъ возвратить Санды. Последняя скрылась въ Сувановской волости, туда и поѣхалъ Алмень съ Боченемъ (родной братъ Мергембе). За выдачу Санды пришлось уплатить Сувановскому управителю лошадь и 13 рублей, да за увозъ бии присудили въ пользу Мергембе девятку отъ лошади.

За изнасилованіе замужней женщины виновный платитъ ей мужу: одну девятку отъ лошади, или 2 лошади и 2 халата, или лошадь и халатъ и т. п.¹⁾ За связь жены съ постороннимъ мужъ тоже можетъ искать съ виновнаго и ему обыкновенно присуждаютъ лошадь и халатъ.

За изнасилованіе дѣвушки виновный присуждается къ уплатѣ: двухъ девятокъ (одна отъ верблюда, другая отъ лошади) или 25 лошадей, или 15 лошадей, или девятка отъ лошади. Въ Вѣрненскомъ же уѣздѣ обыкновенный аипъ за это преступленіе девятка отъ верблюда. За связь съ дѣвушкой съ виновнаго присуждаютъ лошадь и халатъ. За изнасилованіе и связь съ просватанной дѣвушкой аипъ получаетъ женихъ, за непросватанную беретъ отецъ.

Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ присуждается аипъ различенъ, большій его размѣръ присуждается болѣе богатому или почетному потерпѣвшему, низшій же приходится на долю бѣдняковъ.

Впрочемъ, надо отмѣтить, что преслѣдованіе добровольной связи случается до крайности рѣдко, мало мальски порядочный человѣкъ не доводитъ дѣло до суда.

4. Прекращеніе брака.

Мужчина можетъ расторгнуть бракъ по личному произволу. Никакихъ формальностей при этомъ не соблюдаютъ. Мужъ лишь долженъ привезти жену къ ея отцу и сказать ему, что освобождаетъ ее. Этимъ дѣйствіемъ зять, предоставляя тестю выдать освобожденную по своему произволу, лишается и права на возвратъ калыма. Впрочемъ надо сказать, что киргизу не разсчитъ возвращать жену тестю: онъ вѣдь теряетъ работницу. Поэтому-то вернуть женъ дѣлается лишь въ крайнихъ и исключительныхъ случаяхъ: неизлѣчимой болѣзни жены, неспособности къ работѣ и т. п. По отношенію къ женщинѣ бракъ ея конечно кромѣ смерти ея или мужа, прекращается только: 1) при безвѣстномъ отсутствіи мужа, продолжающимся болѣе 12 мѣсяцевъ—(въ томъ числѣ и ссылка въ Сибирь) и 2) при половой неспособности мужа.

Во всѣхъ однако случаяхъ женщина не имѣетъ права свободного выбора новаго мужа. Она—достояніе, собственность родни умершаго, пропавшаго или неспособнаго. Если только у вдовы нѣтъ сыновей, то она непремѣнно выходитъ за брата или другого родственника прежняго мужа. Если сыновья есть, то никто не можетъ принудить ее къ новому замужеству; ей предоставляется на выборъ или жить самостоятельно, управлять имуществомъ, растить,

¹⁾ Напр. За изнасилованіе жены киргиза Даулубая Чонкобаева съ виновныхъ киргизовъ (Илеубая и Куяубая) было присуждено въ пользу мужа 3 лошади.

женить дѣтей и проч., однимъ словомъ вполне вступить въ права главы юрты, или выйти замужъ за брата бывшего мужа и лишиться самостоятельности.

Безвѣстное отсутствіе мужа свыше года даетъ его женѣ право: выйти замужъ за ближайшаго по старшинству родственника пропавшаго или дожидаться возвращенія супруга; въ послѣднемъ случаѣ никто не въ правѣ противиться ея рѣшенію и она дѣлается самостоятельной. Если ближайшій родственникъ мужа молодъ, то вдовѣ предоставляется на выборъ: ждать его совершеннолѣтія или выйти замужъ за слѣдующаго, который платитъ обоеденному девятку отъ верблюда и менѣе. Если же выйдетъ не за родственника (съ разрѣшенія русской власти или отъ сильнаго упорства), то новый мужъ платитъ полный калымъ по приговору биевъ.

Развода для женщины нѣтъ. Надоѣстъ жена, киргизъ женится на другой, а старую отдѣляетъ. Бьетъ жену мужъ, дурно съ ней обращается, развода все же нѣтъ; все, что она можетъ, это обратиться съ жалобой къ старшему брату мужа, который и уговариваетъ виновнаго; если же послѣдній не послушается, старшій братъ говоритъ отцу и тотъ дѣлаетъ внушеніе, иногда и поколотить. Этимъ однако и ограничивается ихъ участіе. При немѣнніи отца, брата или при неоказаніи ими помощи, жена можетъ обратиться къ бію или лучшему въ аулѣ человѣку, обыкновенно старѣйшему родственнику и, жалуясь на побой, сказать: „разбери насъ и накажи меня, если я виновна“. Собираются старики и разбираютъ; усовѣщиваютъ виноватаго, страшатъ, а если не помогаетъ, поколотятъ нагайкой. Въ концѣ концовъ стараются примирить супруговъ и все кончается ѣдой барана, закалываемаго мужемъ для стариковъ. При повтореніи жалобы поступаютъ такъ-же; развода же не даютъ. Рѣдка въпрочемъ и пожалуется, ибо мужъ навѣрно отомститъ. У богатыхъ и средняго состоянія киргизовъ обыкновенно впрочемъ случается, что послѣ подобнаго стыда мужъ женится на другой, а первую или отдѣляетъ, а нѣтъ средствъ—обращается въ работницу. Впрочемъ, если слѣдствіемъ худого обращенія мужа будетъ смерть жены или если мужъ не любитъ жены, не раздѣляетъ съ нею ложа, и она съ горя отравится, то тестъ ищетъ съ зятя кулъ, какъ за настоящее убійство, и, при доказанности иска, бій присуждаютъ 100 лошадей и менѣе по рѣшенію присяжныхъ.

По адату при жизни мужа жена можетъ требовать развода только въ одномъ случаѣ—неспособности мужа къ супружескимъ обязанностямъ. Жалобы приносятся бію или старѣйшему въ аулѣ человѣку. Эти спрашиваютъ мужа и, при сознаніи его, жена переходитъ къ ближайшему родственнику съ уплатой до половины калыма. При неосознаніи мужа въ безсиліи бій или старики предлагаютъ мужу доказать свои способности и назначаютъ

надежнаго человѣка (въ Копальскомъ у. назначаютъ лекаря „баксы“) присутствовать во время доказательства, даваемого въ особой юртѣ. По заключенію этого свидѣтеля даютъ или разводъ или отказываютъ въ немъ.

Такое освидѣтельство было сдѣлано въ концѣ 60-хъ годовъ по жалобѣ жены киргиза Копальскаго у. Байгалы Койчелинской волости Дуламбая. Послѣдній былъ признанъ безсильнымъ, и жена перешла къ брату его Булатаю Киргизбаеву.

Со властью русскихъ, администрація, при доказанномъ безобразномъ поведеніи мужа и истязаніи жены, не стѣсняется позволять разводъ съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы отецъ разведенной или новый ея мужъ уплатилъ прежнему калымъ по приговору біевъ.

Въ Кульджинскомъ районѣ обычаемъ уже установлено платить мужу за отходъ жены 30 байталъ (обыкновенно платится: 5 пятилѣтнихъ лошадей, 5 четырехлѣтокъ, 6 трехлѣтокъ, 6—двухлѣтокъ, 2 тобылы съ жеребятами и 2 пятилѣтнихъ коровы съ 2 телятами).

Въ настоящее время (70-е года и начало 80-хъ) въ Копальскомъ уѣздѣ и въ Кульджинскомъ районѣ жалобы женщинъ на истязанія и на безсиліе мужей судъ біевъ почти не принимаетъ къ своему разбирательству, предоставляя принести эту жалобу уѣздному начальнику, который, если убѣдится въ справедливости жалобы, освобождаетъ женщину не отъ одного мужа, но и отъ всей его родни, давая ей полную свободу съ условіемъ имущественнаго вознагражденія мужа по приговору народнаго суда.

Н. Изразцовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

арх
VI $\frac{6}{8}$

Годъ 9-й.

Кн. XXXV

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ

ОБОЗРѢНІЕ.

Издание Этнографическаго Отдѣла

ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія,
Антропологіи и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

1897, № 4.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Н. А. Янчука.

МОСКВА.

Высочайше утв. Т-во Скороп. А. А. Левенсонъ. Коммисіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества
Любителей Естествознанія въ Москвѣ, Петровка, д. Левенсонъ.

1897.

ф-83

XLVII

ОБЫЧНОЕ ПРАВО („АДАТЪ“) КИРГИЗОВЪ СЕМИ- РЪЧЕНСКОЙ ОБЛАСТИ.¹⁾

II. Союзъ родителей и дѣтей.

I. Права и обязанности личныя. Власть родителей.

Власть родителей неограничена и простирается даже на жизнь дѣтей. Конечно, въ здоровомъ умѣ никто не рѣшится убить свое дитя, развѣ только нечаянно, но, какъ бы то ни было, дѣтоубійца не преслѣдуется ни въ какомъ случаѣ и даетъ отвѣтъ одному Богу.

Родители считаются естественными защитниками своихъ дѣтей. Отецъ ищетъ за обиду малолѣтнихъ и за убійство дѣтей. Замужнихъ дочерей защищаетъ мужъ, а отъ мужа отецъ.

Сообразно такой власти и заботамъ, дѣти должны безусловно подчиняться родителямъ, почитать и уважать ихъ. Непокорнаго сына родители наказываютъ сами, а не въ силахъ будутъ справиться—сзываютъ родственниковъ, и всѣ сообща расправятся, выдерутъ и нагайками. Затѣмъ родственники стараются примирить сына съ отцомъ, заставляя первого просить прошенія. Жалобы дѣтей на родителей по обычаю не должны приниматься, кромѣ жалобы о томъ, что отецъ не женить и не отдѣляетъ, ибо родители вольны во всѣхъ своихъ поступкахъ. Неисправимаго сына отецъ прогоняетъ, собравъ родственниковъ и объяснивъ имъ причины, предоставляя ему жить, гдѣ и какъ угодно. Выдѣлъ прогнаннаго зависитъ вполне отъ воли отца; впрочемъ, это одинаково и по отношенію всѣхъ дѣтей за исключеніемъ только женитьбы, то есть прогнаннаго сына можетъ и не женить. Отецъ дастъ ему, сколько вздумается, а и не дастъ, то претендовать никто не смѣетъ. При неповиновеніи дочери одна только мать и другія родственницы наказываютъ. Отецъ рѣдко вмѣшивается въ женское дѣло. Непокорная дочь, однако, не выгоняется,—не выгодно; ее стараются поскорѣ сбыть съ рукъ, выдавъ замужъ.

1) См. Этнogr. Обзор., XXXIV.

Власть родителей простирается и на выборъ мужа для дочери и жены для сына. Согласія дѣтей родители могутъ и не спрашивать; все это предоставлено обычаемъ ихъ личному усмотрѣнію, чѣмъ они и пользуются, сговаривая дѣтей еще въ колыбели. Сынъ, если не былъ сговоренъ въ малолѣтствѣ, всегда женится съ согласія отца. Да это и понятно, такъ какъ, не дай отецъ скота, сыну не чѣмъ заплатить и калымъ. Даже и отдѣленные сыновья при вторичной женитьбѣ спрашиваютъ отца, хотя вполне могли-бы обойтись безъ его позволенія и согласія. По отношенію замужества дочери власть отца еще болѣе неограничена. Взрослый сынъ могъ бы и не жениться на выбранной отцомъ дѣвушкѣ, но взрослая дочь должна непременно выйти за того, кому отдалъ ее отецъ. Теперь администрація, смягчая нѣсколько обычаи и дозволяя дѣвушкѣ выходить и за невыбраннаго отцомъ, заставляетъ—конечно въ огромномъ меньшинствѣ случаевъ—родителей принимать симпатіи дочери къ свѣдѣнію.

Съ женитьбой и выдѣломъ сыновей и выходомъ дочерей замужъ власть родителей значительно ограничивается. Напримѣръ, наказаніе отдѣленнаго сына и замужней дочери не всегда уже возможны; отобраніе скота у отдѣленнаго сына вовсе невозможно, и при непочтительности его отцу остается отказаться отъ негоднаго и не помогать ему въ нуждѣ. Но случаи неуваженія, непочтительности рѣдки; вообще говоря, у киргизъ почетъ, оказываемый дѣтьми, очень великъ; отецъ и мать принимаются, какъ дорогіе почетные гости. Зато и отецъ при нуждѣ не жалѣетъ средствъ для дѣтей. Богачи платятъ за нихъ огромный калымъ и даютъ такое же приданое. Поминки по умершимъ устраиваются возможно пышно, и призы на байгѣ поглощаютъ иногда много скота и денегъ. Я, напримѣръ, знаю о призахъ въ 2—3 тысячи, и это еще не изъ большихъ, бывали въ 6—7 тысячъ рублей.

2. Права и обязанности по имуществу.

а) Выдѣлъ дѣтей.

Сыновей выдѣляютъ только послѣ женитьбы, при чемъ бѣдные киргизы никогда не выдѣляютъ какъ по неимѣнію средствъ дать новую юрту, такъ и потому, что раздѣливъ скотъ, ни отецъ, ни сынъ не могли бы существовать. Но кромѣ бѣдныхъ и богатые, случается, не выдѣляютъ дѣтей. Богачъ иногда завѣщаетъ сыновьямъ не раздѣляться, и они свято исполняютъ волю отца. Живутъ хотя и совершенно отдѣльно другъ отъ друга, а имуществомъ пользуются сообща, при чемъ старшій изъ нихъ распоряжается на правахъ главы. Дѣтей своихъ выдѣлять можно по общему согласію.

Примѣръ этому виденъ на Атханѣ (бывшій младшій помощникъ Копальскаго уѣзднаго начальника) и Даркембаѣ. Они владѣли имуществомъ сообща; Атханъ, какъ старшій, распоряжался самостоятельно. Изъ этого имущества, по согласію Атхана и Даркембая, выдѣлена часть сыновьямъ перваго: Балкану и Иркембаю при ихъ женитьбѣ. Затѣмъ у Атхана еще пять сыновей, дочь и двѣ жены. Юрты женъ отдѣльныя, но скота нѣтъ ни у одной. У Даркембая тоже есть дѣти. Послѣ смерти Атхана весь скотъ перешелъ въ распоряженіе Даркембая; ни Сеильханъ, 20-лѣтній сынъ Атхана, ни прочіе его братья, кажется, не будутъ раздѣляться; Сеильханъ же и Даркембай не раздѣлятся ни въ какомъ случаѣ.

Помимо этихъ исключеній, богатые и средняго состоянія киргизы всегда выдѣляютъ женящихся сыновей. Размѣръ выдѣла обыкновенно зависитъ отъ воли отца, и если отдѣленный недоволенъ, то говоритъ родственникамъ, эти отцу, и если послѣдній прибавитъ—ладно, не прибавитъ—тоже ладно; участіе родственниковъ кончается, да и отдѣленный не можетъ требовать отъ отца ничего больше.

Чтобы исполнѣ правильно и ясно понимать выдѣлъ, необходимо помнить обычай, приведенный въ имущественныхъ правахъ супруговъ, то есть отецъ выдѣляетъ сына лишь изъ имущества, даннаго во владѣніе матери отдѣляемаго. Количество скота, даваемого выдѣляемому, хотя и зависитъ отъ воли отца, но обыкновенно оно приблизительно равно всему количеству скота, даннаго матери выдѣляемаго, раздѣленному на число сыновей отъ той же матери. Напримѣръ, если въ пользованіе женѣ дано 200 головъ и у ней 4 сына, то при одновременномъ выдѣлѣ каждый изъ троихъ первыхъ получилъ бы по 40 головъ, а остальные 80 головъ остаются въ пользованіе меньшаго сына и юрты. Младшій сынъ не выдѣляется никогда, ему достается все оставшееся отъ выдѣла братьевъ, и онъ живетъ постоянно съ матерью. Поэтому на долю младшаго приходится всегда болѣе скота, да еще юрта, домашнее имущество и зимовка.

Доли выдѣляемыхъ, конечно, не равны, ибо въ промежуткѣ между выдѣломъ количество скота можетъ уменьшиться или увеличиться, и доля послѣдующаго выдѣляемаго можетъ быть болѣе или менѣе доли старшаго брата. Впрочемъ, если выдѣленный обидѣнъ или если послѣ его выдѣла богатство отца значительно увеличилось, то и ему отецъ дастъ еще скота.

Отдѣленный сынъ можетъ жить и кочевать вмѣстѣ съ отцомъ; а если жены ихъ не ладятъ, то сынъ кочуетъ въ другомъ мѣстѣ.

Дочерей не выдѣляютъ никогда, вся забота о нихъ: выдать замужъ, приготовить приданое, а затѣмъ, когда у ней родится ребенокъ, отецъ даритъ ей скотъ.

Калымъ за сыновей платится изъ имущества, даннаго ихъ матери; калымъ за дочерей поступаетъ тоже въ имущество матери.

По смерти отца и при опекѣ матери выдѣлъ производится по ея усмотрѣнію, такъ же какъ и при жизни отца. Если же опекуномъ будетъ родственникъ отца, то имущество дѣлится на части строго равныя въ моментъ выдѣла. Впрочемъ, иногда младшему все-же достается немного болѣе скота, да юрта съ имуществомъ.

б) Опека.

Опекуномъ долженъ быть непременно ближайшій по старшинству родственникъ. Само собою разумѣется, что безтолковымъ, глупымъ опека не поручается. Даже воля умирающаго не можетъ измѣнить порядка опеки; кому бы онъ ни поручилъ опеку, все равно его не слушаютъ, и опека переходитъ къ ближайшему родственнику. Отказъ отъ опеки дозволенъ, и тогда опекуномъ становится слѣдующій родственникъ.

Опекунъ беретъ къ себѣ дѣтей умершаго, скотъ, имущество. На его обязанности лежитъ: одѣвать, кормить и заботиться о сиротахъ, какъ о своихъ собственныхъ дѣтяхъ, что обыкновенно и исполняется, такъ какъ опекунъ не отдѣляетъ сиротъ отъ своихъ дѣтей. Какъ только сироты подрастутъ и женятся, ихъ выдѣляютъ. Выдѣлъ лежитъ на обязанности и совѣсти опекуна; никто въ это не вмѣшивается, если только опекаемые въ ладахъ съ опекуномъ. Если же сироты не вѣрятъ опекуну и ссорятся съ нимъ, то раздѣлъ производится при помощи родственниковъ сиротъ.

Отчета по опекѣ никому не дается; если бы случился обманъ, и сироты узнаютъ, то ищутъ съ опекуна черезъ бѣевъ.

Скотъ, въ моментъ выдѣла женившагося сироты, дѣлится на равныя части по числу сиротъ; младшему иногда все-же оставляютъ немного болѣе прочихъ, да отцовскую юрту съ имуществомъ. Дочери не имѣютъ права на имущество отца, и если бы случилось, послѣ раздѣла имущества, остаться дѣвушкамъ-сироткамъ, то онѣ переходятъ къ младшему или другимъ отдѣленнымъ братьямъ; могутъ остаться и у опекуна, хотя это бываетъ крайне рѣдко. Въ послѣднемъ случаѣ опекунъ все-же не оставляетъ у себя скота для пропитанія сиротокъ; онъ оставляетъ лишь женское платье, которое и идетъ послѣ съ ними въ приданое. Калымъ въ этомъ случаѣ идетъ опекуну. Точно также поступаетъ и братъ, взявшій сестеръ отъ опекуна. Однимъ словомъ, калымъ идетъ тому, кто воспиталъ и выдалъ дѣвушку. Однако, надо здѣсь сказать, богатые и даже небогатые честные киргизы калымъ за сиротку обращаютъ ей въ приданое. Если сироты дѣвушки будутъ выданы замужъ ранѣе выдѣла опекуномъ ихъ братьевъ, то калымъ поступаетъ въ общую массу наслѣдства. Опекунъ за свою заботу о сиротахъ не пользуется никакимъ вознагражде-

ніемъ. Права его къ опекаемымъ—права отца; онъ защищаетъ ихъ, женить. Если умереть мать, то объ опекѣ нѣтъ и рѣчи, дѣти продолжаютъ жить у отца, подѣ его надзоромъ. Если умереть мужъ, а вдова, имѣя сыновей, выйдетъ за ближайшаго родственника, то съ ней переходитъ весь скотъ и дѣти, а новый ея мужъ становится опекуномъ съ правами, указанными выше. Это при малолѣтнихъ все дѣтяхъ. Если же у вдовы есть взрослый женатый сынъ, то иногда скотъ отца и имущество остается въ распоряженіи взрослого, который и становится опекуномъ; у него же остаются и всѣ его братья. Мать же съ дочерьми переходитъ къ новому мужу безъ всего. Впрочемъ, если дѣти очень малы, то всѣ они—значить и сыновья—идутъ съ матерью. Возможно, что съ матерью не идутъ даже дочери: это если онѣ не хотятъ жить у отчима, и тогда мать идетъ къ новому мужу одна.

У киргизовъ бываютъ и такіе случаи: вдова, выйдя вторично замужъ, все-же живетъ съ дѣтьми отъ перваго брака и управляетъ наслѣдствомъ, новый же ея мужъ живетъ у себя, навѣщая ее по временамъ. Если по смерти мужа вдова не выйдетъ замужъ (возможно только тогда, когда есть сыновья), то вступаетъ въ права умершаго и распоряжается всѣмъ: раститъ дѣтей, заботится о нихъ и скотѣ, женить сыновей, выдаетъ дочерей и вообще распоряжается такъ неограниченно, какъ распоряжался бы и ея мужъ, будь онъ живъ.

Понятно, каждая изъ отдѣленныхъ женъ опекаетъ только своихъ дѣтей и распоряжается только даннымъ ей скотомъ.

Имуществомъ сумасшедшаго, до совершеннолѣтія сыновей, управляетъ жена, а если жены нѣтъ—ближайшій родственникъ.

Въ случаѣ расточительности мужа жена можетъ обратиться къ родственникамъ его, которые и принимаютъ мѣры. Мѣры эти сначала состоятъ въ увѣщаніи, наказаніи нагайками, а не поможетъ—въ отобраніи имущества, которое передается въ распоряженіе женѣ или одному изъ взрослыхъ сыновей. Если бы мужъ и не согласился на такое ограниченіе его правъ, то на это не обращаютъ вниманія, и всякій считаетъ обязанностью удерживать его порывы, считая его больнымъ. Конечно, если мужъ исправится, то опять становится неограниченнымъ главой юрты.

в) Наслѣдство.

Имущество умершаго киргиза есть собственность его сыновей, внуковъ, а нѣтъ ихъ—его братьевъ и такъ далѣе. Умирающій, при всемъ желаніи, не можетъ нарушить этотъ обычай, то есть онъ не можетъ лишить наслѣдниковъ наслѣдства, и если даже и завѣщаетъ свое имущество кому-либо, то завѣщаніе не исполняется, а все поступаетъ въ собственность прямыхъ наслѣдниковъ.

На наслѣдство имѣютъ право одни мужчины; поэтому послѣ отца наслѣдуютъ сыновья, жены же и дочери никогда. Отдѣленные при жизни отца сыновья не имѣютъ никакихъ правъ на наслѣдство, если только есть другіе не отдѣленные. Если же послѣднихъ нѣтъ (это возможно только въ случаѣ смерти меньшаго), то все имущество умершаго переходитъ къ отдѣленнымъ сыновьямъ и дѣлится между ними поровну. Вдовъ же, если онѣ не выходятъ замужъ, и сестеръ они берутъ къ себѣ, кормятъ и одѣваютъ ихъ, а послѣднихъ и замужъ выдаютъ. Если у умершаго было нѣсколько отдѣленныхъ женъ, то сыновья наслѣдуютъ только имущество своихъ матерей.

Младшій сынъ не выдѣляется никогда и живетъ съ матерью; поэтому по смерти отца онъ и получаетъ все оставшееся отъ выдѣла своихъ братьевъ. Если у одной изъ отдѣленныхъ женъ умершаго сыновей нѣтъ, то имущество и скотъ переходитъ къ дѣтямъ прочихъ женъ, имѣющихъ сыновей, и дѣлится между ними поровну.

Сыновья умершаго киргиза вступаютъ вполне въ права отца, и если бы, на примѣръ, ихъ дядя умеръ бездѣтнымъ, то они наслѣдуютъ имущество на тѣхъ же правахъ, какъ бы наслѣдовали и ихъ отецъ. Если бы у умершаго бездѣтнаго дяди былъ еще братъ, то имущество дѣлится между этимъ братомъ и племянниками, при чемъ послѣдніе получаютъ долю нѣсколько меньшую противъ доли перваго. На вдову умершаго дяди—тетку племянники имѣютъ, однако, менѣе правъ, чѣмъ имѣлъ бы ихъ отецъ, будь онъ живъ. Именно, тетка помимо племянниковъ переходитъ къ слѣдующему ихъ дядѣ, и только если всѣ братья умершаго откажутся или число вдовъ болѣе числа братьевъ, то иногда и племянники берутъ ихъ. Однако, при жизни своего отца тетку берутъ рѣдко—стыдятся.

Имущество киргиза, пропавшаго безъ вѣсти, дѣлится между наслѣдниками точно такъ же, какъ бы по смерти его. Однако, если пропавшій вернется, то получаетъ все обратно, но безъ женъ, если онѣ вышли замужъ.

Имущество сумасшедшаго наслѣдуется сыновьями, которые и должны заботиться о больномъ отцѣ. За неимѣніемъ сыновей вдова и имущество сумасшедшаго переходятъ къ ближайшимъ родственникамъ.

Однимъ словомъ, наслѣдство дѣлится между не отдѣленными сыновьями, нѣтъ ихъ—между отдѣленными; если сыновей и ихъ потомства нѣтъ, имущество переходитъ къ братьямъ и ихъ потомству и такъ далѣе (дядямъ и ихъ потомству, дѣдамъ)—все къ мужчинамъ. Женщины не имѣютъ никакихъ правъ на наслѣдство.

III. Союзъ родственниковъ.

1. Права и обязанности.

а) Личныя.

Всѣ члены союза равноправны и вполне самостоятельны, не завися одинъ отъ другого. Отношенія ихъ между собой совершенно свободны, какъ равнаго къ равному. Главенства нѣтъ. Мнѣніе старѣйшаго родственника не обязательно, равно какъ и подчиненія ему не существуетъ.

Правда, хорошій добрый старецъ пользуется общимъ уваженіемъ, но не властью. Уважаютъ въ немъ старость, но эта же старость причиной тому, что мнѣнія его по дѣлу почти что не спрашиваютъ, считая непримѣнимымъ нынѣ.

Кромѣ старцевъ уважаютъ и другихъ, даже подчиняются нѣкоторымъ, но это не значитъ, что они имѣютъ на уваженіе и почетъ какое-либо право по происхожденію; въ нихъ уважаютъ личность или положеніе. Тѣ киргизы, коихъ администрація зоветъ почетными, уважаются и своими; совѣты ихъ, мнѣнія исполняются часто въ точности, но, присмотрѣвшись къ такимъ личностямъ ближе, видимъ большей частью, что уваженіе и подчиненіе оказывается собственно не имъ, а ихъ положенію, богатству и т. п. Такія личности большей частью міроѣды, кулаки; имъ подчиняются, ихъ слушаютъ, терпятъ, кланяются изъ расчета, а не за добро, никогда ими не оказываемое.

Вмѣшательства родственниковъ въ частныя дѣла другъ друга нѣтъ и не допускается, развѣ только этого вмѣшательства будетъ просить одинъ изъ нихъ. Собранія родственниковъ случаются: при раздѣлѣ пахотныхъ земель, при примиреніи ссорящихся родственниковъ, при наказаніи и примиреніи непокорнаго сына съ отцомъ, при дѣлѣжѣ наслѣдства, при распредѣленіи наряда на отбываніе какой-либо повинности, при рожденіяхъ, свадьбахъ, похоронахъ, байгахъ и тому подобное. Общихъ совѣтовъ передъ тѣмъ или другимъ дѣломъ не бываетъ, развѣ только дѣло касается всѣхъ родственниковъ, на примѣръ при искахъ куна; одинъ спрашиваетъ совѣта другого, болѣе опытнаго, но не по обязанности, а потому—умъ хорошо, а два лучше. Родственникъ, пріѣхавшій въ юрту другого, имѣетъ право на угощеніе и пріютъ. Впрочемъ, киргизы вообще гостепріимны. Гость даръ Бога и его слѣдуетъ накормить, не жалѣя средствъ. У нихъ принято считать, что все, дѣлаемое для гостя, дѣлается для Бога. Гостепріимствомъ пользуются такъ широко, что не обходится иногда и безъ комичныхъ сценъ: гости объѣдаютъ хозяевъ на чрезвычайныхъ сѣздахъ; отказать грѣшно, ну хозяева и бѣгаютъ подальше отъ грѣха и гостей. Обидѣть родственника, украсть у него лошадь

не считается особенно тяжкимъ грѣхомъ и наказуется одинаково съ обидой и воровствомъ у посторонняго.

Единственныя неоспоримыя права родственниковъ—право на вдовъ, имущество, на помощь при поминкахъ, при платежѣ куна-по опеку и тому подобное. Бездѣтная, не имѣющая сыновей, вдова—собственность родственниковъ умершаго мужа. По обычаю, она обязана быть женой старшаго брата и вообще ближайшаго по старшинству родственника умершаго. Исключеніе бываетъ для вдовъ старухъ, которымъ предоставляется свобода жизни безъ новаго замужества. Въ пожизненное пользованіе наслѣдники оставляютъ немного скота, юрту и необходимое имущество. Иногда въ пользованіе такихъ старухъ оставляютъ все, чѣмъ владѣлъ ея мужъ. (Напримѣръ, послѣ смерти киргиза Бексента, три его брата не взяли ничего изъ его имущества, а оставили все въ пользованіе вдовы Наутекъ и двухъ ея дочерей). Если имѣющій права на вдову молодъ, то она при желаніи ждетъ его совершеннолѣтія, а не желаетъ ждать—выходитъ за слѣдующаго. Не захочетъ старшій братъ взять вдову, беретъ слѣдующій, соблюдая очередь по старшинству лѣтъ. Само собой разумѣется, что по общему согласію братьевъ они могутъ и не придерживаться старшинства лѣтъ и отдать вдову тому, кто болѣе въ ней нуждается или къ кому она сама болѣе благоволяетъ.

При нѣсколькихъ вдовахъ каждый беретъ по одной; одинъ не можетъ взять всѣхъ безъ согласія прочихъ братьевъ. Если число вдовъ болѣе числа братьевъ, то берутъ племянники и слѣдующіе родственники. То же случается, если братья умершаго откажутся отъ вдовы. Бываетъ, что братья и сами съ общаго согласія отдаютъ вдову за того или другаго изъ ея племянниковъ (по мужу, конечно).

Примѣры: 1) Киргизы Алмень, Кулманъ и Кулдулды Кошетеровы родные братья. Младшій Кулдулды умеръ, оставивъ трехъ вдовъ, двѣ юрты, 100 лошадей, 6 верблюдовъ, 300 барановъ и 5 коровъ. Алмень взялъ вдову съ юртой и половину скота; Кулманъ взялъ другую вдову съ юртой и остальную половину скота; третью же вдову взялъ сынъ Алменя—Війбитъ и съ нею получилъ лошадь, верблюда, постели, одежду ея и сѣдло, данныя ей въ приданое.—2) Киргизы Конурбургской волости Кулуке, Беккулы и Кангучукъ родные братья. Младшій Кангучукъ умеръ, оставивъ сына и вдову. Послѣдняя съ согласія Кулуке и Беккулы вышла за сына Кулуке—Игилика, конечно безо всего.

Старшій изъ братьевъ беретъ и старшую вдову, болѣе же молодыя выходятъ за слѣдующихъ. Причемъ старухи, остающіяся свободными, въ счетъ не идутъ.

Конечно, симпатіи къ той или другой вдовѣ нарушаютъ порядокъ старшійшинства. Въ тѣхъ случаяхъ, когда вдова, не смотря ни на что, не пожелаетъ выйти за имѣющаго на нее право, а поже-

лаетъ за другого, хотя бы и отдаленнаго родственника, то ее уже не неволятъ; но если обойденный не доволенъ такой свадьбой, то ищетъ со счастливица убытки, калымъ.

Напримѣръ, киргизы Конурбургской волости Чаунъ и Алпыспай ближайшіе родственники киргиза Машай. Послѣдній умеръ, оставивъ бездѣтную вдову Тумпай. Она не шла ни за Чауня, ни за Алпыспая, а пожелала выйти за Чуюнчалы дальнаго родственника Машай. Тогда Чаунъ предъявилъ къ Чуюнчаламъ искъ, и бѣи присудили ему 12 лошадей. Между тѣмъ Тумпай раздумала и вышла за Алпыспая. Чаунъ ничего не имѣлъ противъ этого брака потому и не искалъ. Въ данномъ случаѣ съ Чуюнчаламъ было присуждено 12 лошадей, но присуждаютъ и менѣе, напримѣръ девятку отъ лошади и даже лошадь и халатъ, смотря по близости родства.

Если же вдова выйдетъ за посторонняго, то присуждаютъ полный калымъ, который и дѣлится поровну между наслѣдниками; приданаго они, конечно, не даютъ.

Съ бездѣтной вдовой, переходящей къ ближайшему родственнику, идетъ юрта съ имуществомъ кромѣ товаровъ и денегъ. Юрта эта не входитъ въ общую массу наслѣдства. Впрочемъ если наслѣдники ссорятся, то раздѣляютъ и юрту. Скотъ же и прочее дѣлится поровну между всѣми братьями, а если скота нѣтъ, то взявшій вдову и юрту долженъ дать своимъ братьямъ подарки: кому лошадь, верблюда, халатъ и тому подобное.

Обрядность заключенія брачнаго союза съ вдовой отлична отъ обрядности женитьбы на дѣвушкѣ, по этому считаю не лишнимъ ея описаніе. А такъ какъ смертью киргиза начинаются собранія родственниковъ, которыми производится выдача замужъ вдовъ, а подчасъ и дѣлежъ наслѣдства, то и описаніе я начну со смерти и похоронъ.

Киргизъ умеръ. Тотчасъ-же даютъ знать всѣмъ родственникамъ. Собираются сыновья умершаго, братья и другіе родственники и посторонніе съ женами. Пріѣзжаетъ и позванный мула. Начинается обмываніе, производимое 3-мя, 5-ю или даже 9-ю непременно посторонними киргизами. Затѣмъ трупъ завертываютъ въ бѣлую матерію, кладутъ въ юртѣ на устланную травой землю и опускаютъ занавѣсь. Мулла начинаетъ читать молитвы съ начала обмыванія и читаетъ вплоть до похоронъ. Плакать по умершему вмѣняется въ обязанность всѣмъ родственникамъ — мужчинамъ, женщинамъ и дѣтямъ. Киргизы хоронятъ покойника въ день смерти, но если онъ умеръ ночью или во вторникъ, то похороны отлагаются до слѣдующаго дня (нѣкоторые не хоронятъ еще въ пятницу и субботу) и въ этомъ случаѣ собравшіеся не разѣзжаются, а тутъ и ночуютъ. Ихъ угощаютъ наслѣдники изъ скота умершаго. По повѣрью киргизъ, угощеніе собравшихся на счетъ умершаго пріятно послѣднему. При выносѣ тѣла изъ юрты,

вокругъ головы покойника обносятъ чашку съ пшеницей, рисомъ или просомъ, которое потомъ высыпаютъ въ казань и его ѣдятъ только наслѣдники. Тѣло несутъ на носилкахъ; въ могилѣ открываютъ покойному лицо и, положивъ предъ глазами бумагу съ написанной молитвой, засыпаютъ. Затѣмъ, прочитавъ молитву, всѣ возвращаются. Мулла читаетъ молитвы въ теченіе семи—иногда болѣе—дней; его кормятъ ближайшіе родственники, всѣ же остальные разѣзжаются. Мулла за чтеніе молитвъ до похоронъ платятъ различно; богатые даютъ лошадь покойника съ сѣдломъ и прочимъ приборомъ, бѣдные что придется. Въ седьмой день сзываютъ родственниковъ на счетъ покойника. Размѣръ угощенія различенъ и заключается обыкновенно въ предѣлахъ отъ 10 кобылъ до барана. Въ этотъ день отдають обмывавшимъ трупъ полную одежду покойника, напиримѣръ шубу, чекмень, халатъ, три рубашки, поясъ, сапоги и шапку. Богатые даютъ больше, даже втрое всего этого. Женщину обмываютъ, конечно, женщины же, и имъ платятъ тоже одеждой умершей; шубу, два халата, двѣ рубашки, поясъ, бельдемчи. Расчитываютъ и муллу за чтеніе; ему даютъ изъ имущества умершаго девятку отъ верблюда и мѣше, напиримѣръ одного барана или капъ проса. Въ сороковой и сотый дни опять поминки: снова сзываютъ родственниковъ умершаго и угощаютъ; рѣжутъ много скота: 20 кобылъ, 50 барановъ и т. п., бѣдные по возможности. Обыкновенно въ 40-й и 100-й день и вообще не позже года бываетъ иногда байга, призы на которую берутся частью изъ имущества умершаго, частью же даютъ родственники умершаго (по лошади и болѣе). Цѣль этихъ подарковъ дать возможность получить помянутъ покойника. И каждый родственникъ, въ свою очередь, при нуждѣ получаетъ такую же помощь, которая отъ нѣкоторыхъ даже обязательна, напиримѣръ отъ тѣхъ, за кого заплаченъ кунъ. Призы на байгахъ иногда очень велики и превышаютъ даже наличныя средства, такъ что ихъ выплачиваютъ иногда постепенно. (Байга на поминкахъ по умершемъ сынѣ біа Испера).

Черезъ годъ наслѣдники послѣдній разъ собираютъ родственниковъ, обязанность которыхъ выдача вдовѣ и дѣлежъ наслѣдства, если наслѣдники ссорятся. Собравшись, родственники помѣщаются въ юртѣ. Киргизъ, желающій взять вдову, рѣжетъ собственного барана, угощаетъ и говоритъ собравшимся: „я хочу взять за себя бабу“. Общество посылаетъ спросить согласія вдовы, ожидающей рѣшенія своей судьбы въ другой юртѣ, и при согласіи мулла тотчасъ же и обвѣнчиваетъ. При отрицательномъ отвѣтѣ вдова приглашается къ собравшимся, ее уговариваютъ и въ концѣ концовъ уломаютъ.

Покончивъ съ вдовой, родственники приступаютъ къ раздѣлу имущества между наслѣдниками. Конечно, если послѣдніе взаимно согласятся, то участіе родственниковъ не допускается, но такъ

какъ всякому охота получить побольше, то полюбовный дѣлежъ не всегда бываетъ. При неудовольствіи на раздѣлъ родственниковъ наслѣдники могутъ обратиться къ бію.

Если послѣ умершаго остались сыновья, то и они собираютъ родственниковъ и послѣ угощенія говорятъ имъ: „если мать не захочетъ выходить замужъ, то мы будемъ кормить и заботиться о ней, а захочетъ—ея воля“. Ее тутъ-же спрашиваютъ и поступаютъ сообразно ея желанію, неволить же въ этомъ случаѣ нельзя. Какъ вдова переходитъ къ брату умершаго мужа, точно такъ же и дѣвушка невѣста переходитъ къ брату умершаго жениха. Заплаченный калымъ и задатокъ держать ее на привязи. Даже если у жениха нѣтъ братьевъ, то и тогда она не получаетъ свободы, а переходитъ къ дядѣ или двоюродному брату умершаго. Въ этомъ случаѣ отецъ умершаго жениха получаетъ заплаченный калымъ съ того, кому достанется дѣвушка.

О правахъ родственниковъ по опекѣ, наказанію непокорнаго сына, изверга мужа и прочее сказано ранѣе.

б) Имущественныя права родственниковъ.

Выше уже говорено, что женщинамъ отказано въ правѣ имѣть собственность. Это право принадлежитъ исключительно мужчинамъ. Поэтому и здѣсь я буду говорить только о правахъ мужчинъ. Собственно слѣдовало бы начать съ наслѣдства, но о немъ все сказано выше. Какъ дѣлятъ наслѣдство братья умершаго, такъ дѣлятъ и прочіе родственники, когда оно имъ достается. Общій порядокъ наслѣдства: 1) сыновья, внуки, правнуки и такъ далѣе; 2) братья, племянники и ихъ потомство; 3) дяди и ихъ потомство, и такъ далѣе. Вторая категорія наслѣдуетъ, когда нѣтъ никого изъ первой, третья — когда нѣтъ никого изъ первой и второй. Въ каждой степени наслѣдство дѣлится между всеѣми поровну. Хотя дѣлежъ наслѣдства поровну, несомѣнно, обычный и общій, но встрѣчаются киргизы, убѣжденные въ справедливости иного порядка раздѣла наслѣдства, завѣщаннаго будто бы дѣдами и отцами. Они убѣждены, что старшій наслѣдникъ можетъ взять, сколько заблагоразсудится. Къ сожалѣнію, мнѣ удалось узнать всего одинъ примѣръ такого дѣлежа.

Киргизы Айдобумовской волости Алдіаръ, Бексеитъ, Токсеитъ и Далба —родные братья. Бексеитъ умеръ еще во время владычества китайцевъ, оставивъ жену—Наутекъ—и двухъ дочерей. Наутекъ старя, братья не взяли ее и въ пожизненное ея пользованіе оставили все, чѣмъ владѣлъ Бексеитъ. Потомъ умеръ Далба, оставивъ жену (бездѣтную), 10 коровъ, лошадь и юрту съ имуществомъ. Алдіаръ, какъ старшій, взялъ вдову съ съ юртой, лошадь и 6 коровъ; Токсеитъ удовольствовался 4 коровами. Въ настоящее время живъ лишь Токсеитъ, ему 61 годъ. На мой вопросъ

—за что его такъ обидѣли при дѣлѣжѣ? онъ отвѣтилъ: „Я не обиженъ. Мы съ братомъ раздѣхались сами. Старики говорили намъ, что старшій братъ беретъ что и сколько захочетъ, остальное идетъ младшему. Послѣ смерти Наутекъ и я возьму много, а сыновьямъ Алдіара дамъ немного“.

Перехожу теперь къ вопросу о платѣ за кровь—„кунъ“.

Убійство въ настоящее время влечетъ за собой только имущественные расчеты. (Прежде возможно было требоваваніе крови, но объ этомъ ниже). Правда, въ нѣкоторыхъ случаяхъ вмѣсто денежныхъ расчетовъ дѣло кончается выдачей дѣвушекъ, но вѣдь онѣ идутъ вмѣсто скота и, стало быть, на это надо смотрѣть какъ на имущественную сдѣлку. Затѣмъ, въ виду принадлежности дѣтей отцу, жены—мужу и такъ далѣе, искъ куна, по обычаю, зависитъ отъ усмотрѣнія самаго ближайшаго родственника или естественнаго защитника убитаго, помимо котораго, конечно, при жизни его, никто не можетъ жаловаться на убійство. Напримѣръ: если отецъ не желаетъ искать кунъ за сына, то и никто другой не долженъ искать. Послѣ смерти отца дѣло измѣняется и сыновья убитаго или братья могутъ начать искъ. Откажутся и они искать, опять слѣдующіе родственники могутъ вмѣшаться въ дѣло только по смерти брата и такъ далѣе. (Примѣръ: дѣло Бургутени.)

Какъ ни ясно и опредѣленно такое постановленіе обычая, тѣмъ не менѣе не надо забывать, что убійство касается всѣхъ родственниковъ вообще, и часто настоящія послѣднихъ и помимо брата или другого ближайшаго родственника заставляютъ предъявить искъ. Здѣсь все дѣло заключается въ силѣ, которою пользуется въ волости ближайшій родственникъ убитаго: вліятеленъ онъ—и всѣ молчатъ, нѣтъ—и всѣ соединенными силами заставляютъ его искать, а то обойдутся и безъ его согласія. Для ясности приведу одинъ изъ примѣровъ, которыми киргизы разъясняли мнѣ обычаи по иску куна. Ближайшіе родственники убитаго два брата. Старшій не желаетъ искать кунъ, младшій желаетъ. Если старшій пользуется вліяніемъ въ волости, то народъ на его сторонѣ, и другой братъ, оставленный всѣми, поневолѣ подчиняется и молчитъ. Наоборотъ, если младшій вліятельнѣе перваго и народъ приметъ его сторону, то искъ состоится непременно, хотя бы и безъ участія старшаго.

Въ настоящее время обыкновенный размѣръ куна:

Въ Вѣрненскомъ уѣздѣ.

Въ Коспальскомъ уѣздѣ

за мужчину — 200 лошадей, 100 барановъ, лошадь по выбору истца (чаган'ать) и верблюды;	за мужчину — 200 лошадей; за женщину — 100, иногда 50 лошадей
за женщину — половина куна за мужчину.	Тоже и у Атбановъ бывшаго Южнаго участка.

Однако, кунъ въ этихъ размѣрахъ присуждается не часто; при рѣшеніи принимается во вниманіе множество условій, существенно вліяющихъ на присужденное количество скота. Главной причиной этому являются обстоятельства совершенія убійства, то есть большая или меньшая виновность убійцы. Напримѣръ: если киргизъ убитъ въ дракѣ, имъ же начатой и вызванной, убитъ воръ во время грабежа, убійца родственникъ убитому и тому подобное, то полный кунъ никогда не присуждается. Привести все причины, вліяющія на уменьшеніе размѣровъ куна, конечно, нельзя; эти причины отчасти будутъ видны изъ приводимыхъ ниже примѣровъ, здѣсь же я скажу лишь, что даже количество времени между убійствомъ и искомъ вліяетъ на размѣръ куна; напримѣръ, если въ этотъ промежутокъ времени отецъ, сынъ, братъ убитаго почему либо не искали, то послѣ ихъ смерти слѣдующему ближайшему родственнику не присуждаютъ полного куна.

Кунъ увеличивается: 1) убытками—розыскъ виновныхъ, поминки, байга и тому подобное; 2) оскорбленіемъ трупа—собаки, волки, птицы объѣдаютъ, а это указываетъ, что виновные недостаточно позаботились о трупѣ (кунъ за Чипканбал), и 3) баранта.

Убійство доказывается, кромѣ сознанія конечно, показаніями свидѣтелей, а если ихъ нѣтъ, истецъ выбираетъ изъ общества отвѣтчика (изъ цѣлой волости) четырехъ человекъ на присягу. При кунѣ за женщину на присягу выбираютъ только двухъ человекъ.

Когда станетъ очевиднымъ, что присяга будетъ принята и, стало быть, отвѣтчикъ оправданъ, то истецъ часто вступаетъ въ добровольную сдѣлку съ отвѣтчикомъ при посредствѣ присяжныхъ. Начинаются общія совѣщанія (понятно, въ случаѣ не вымысленнаго иска), и обыкновенно истецъ отказывается отъ иска, мирясь съ отвѣтчикомъ и получивъ съ него, по рѣшенію присяжныхъ, 4 верблюдовъ и 4 лошадей, болѣе или того менѣе. Послѣ такой сдѣлки дѣло считается оконченнымъ, и присягу уже не принимаютъ. Если станетъ очевиднымъ, что присягу не примутъ, то стороны все-таки очень часто вступаютъ въ соглашеніе; имъ помогаютъ все участвующіе въ дѣлѣ, особенно присяжные, которые главнымъ образомъ и являются вершителями судьбы, и истцу по мировой сдѣлкѣ даютъ 100 или болѣе или менѣе лошадей. Дѣло опять таки считается конченнымъ безъ привода выбранныхъ къ присягѣ вѣрнѣе сказать, недопустивъ выбранныхъ до отказа отъ присяги.

Мировыя сдѣлки, конечно, бываютъ и при всякомъ положеніи дѣла, но въ только что приведенныхъ случаяхъ онѣ имѣютъ особый смыслъ и значеніе: онѣ какъ бы избавляютъ отъ присяги, а стало быть и отъ возможности согрѣшить, которой хорошіе киргизы вообще избѣгаютъ. Кунъ платитъ убійца и самая близкая родня его. Добровольная помощь со стороны остальныхъ

родственниковъ бываетъ всегда, хотя бы убійца былъ очень богатъ. А если бы у убійцы и родни не было средствъ, то платятъ всѣ родственники—близкіе больше, дальніе меньше—по раскладкѣ бородатыхъ и почетныхъ киргизъ. Если убійство случилось при дракѣ, въ которой принимала участіе вся волость, или въ дракѣ, возникшей за нарушеніе правъ рода, волости, то кунъ платится всей волостью по раскладкѣ, производимой стариками и лучшими людьми при участіи народа. Зачинщики драки, однако, платятъ немного болѣе другихъ.

Кунъ платится всей волостью и въ томъ случаѣ, если убійца неизвѣстенъ и достовѣрно лишь, что убійство совершено членомъ этой волости. Кунъ выплачивается не однимъ только скотомъ и деньгами, а и всѣмъ, чѣмъ придется: не хватитъ у убійцы средствъ, у него или его сына, брата берутъ за недоплаченное дѣвушку, которая и дѣлается женой наслѣдника убитого. Взамѣнъ полного куна присуждаютъ 2—4 дѣвушки съ подаркомъ „куить“, и расчетъ по куну тѣмъ и кончается.

Просватанныхъ дѣвушекъ, понятно, не присуждаютъ и не даютъ.

Большихъ подробностей привести здѣсь нельзя, такъ какъ невозможно предвидѣть всѣ комбинаціи уплаты, и достаточно сказать, что въ уплату принимаются рѣшительно все.¹⁾ Въ прежнее время платили и джетым'ами.

По полученіи куна начинаются новые расчеты и раздѣлъ полученнаго между родственниками.

Получившій кунъ не можетъ воспользоваться имъ одинъ. Онъ долженъ дать часть волости, то есть своимъ сородичамъ. При полученіи полного куна роду отдается почти половина, которая и дѣлится по 2—3 головы на каждыя 50 юртъ. Въ свою очередь здѣсь идетъ новый раздѣлъ и обыкновенно получаютъ бородачи и почетные. Изъ остальной половины дается часть ближайшимъ родственникамъ. Поскольку дать—зависитъ отъ усмотрѣнія получившаго кунъ, но не дать нельзя, и не получившіе жалуются лучшимъ старымъ людямъ, а эти заставляютъ дать по 1—2 лошади и болѣе до девятки отъ верблюда, смотря по близости родства. Остающаяся затѣмъ часть дѣлится между сыновьями убитого, а если ихъ нѣтъ—между братьями. Но не надо забывать, что расходы на поминкахъ похоронахъ и т. п. значительны, и потому наслѣдникамъ достается не много.

Если мужъ убьетъ жену, то кунъ ищетъ и получаетъ отецъ послѣдней; дѣти убитой ничего не получаютъ. Если же жену убьетъ не мужъ, а кто либо другой (родственникъ мужа или посторонній—все равно), то кунъ дѣлится поровну между отцомъ и мужемъ убитой (дѣло Тастана Алматинской волости отцу за кость).

¹⁾ Я былъ очевидцемъ уплаты четверти куна ситцемъ, матой, сукномъ.

За просватанную дѣвушку кунъ получаетъ отецъ, а жениху предоставляется на выборъ—или взять сестру убитой, или получить обратно калымъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ убійство ничѣмъ не наказывается. Это если отецъ убьетъ сына или сынъ отца. Въ послѣднемъ случаѣ сына однако бьютъ, считая дуракомъ. При убійствѣ брата братомъ: при жизни отца кунъ отнюдь не платится; если отца нѣтъ, то до суда все же не доходить, и убійца платитъ немного дѣтямъ убитого или другимъ роднымъ, если дѣтей у убитого нѣтъ. Главное же наказаніе въ этихъ случаяхъ—обязательная и крупная помощь при поминкахъ.

Кромѣ убійства кунъ ищется и за увѣчье: выбитый глазъ, сломанную руку, ногу, раны. Высшій размѣръ куна:

За глазъ—100 лошадей.

За руку—25 или три девятки (одна отъ верблюда и двѣ отъ лошади).

За ногу—50 лошадей.

За каждый палецъ—по девяткѣ отъ верблюда.

За легкую рану на головѣ—лошадь и халатъ, тоже и вообще за побои.

За всѣ подобныя поврежденія у женщины присуждается половинный размѣръ куна.

Въ случаяхъ увѣчья, какъ и при убійствѣ, размѣръ присуждаемаго различенъ, и причины уменьшенія тѣ же: виновность изувѣченнаго, неумышленное увѣчье и т. п.

Лищеніе глаза считается самымъ тяжкимъ увѣечьемъ; лишеннаго обоихъ глазъ считаютъ мертвымъ и присуждаютъ полный кунъ.

Все выше сказанное о размѣрѣ куна и прочее относится до настоящаго времени, въ прежнее же время какъ размѣръ куна былъ иной, такъ и полученіе куна сопровождалось обрядностями, а такъ какъ это еще не вывелось, и нынѣ, хотя изрѣдка, все же доводится наблюдать, то я считаю не лишнимъ привести здѣсь все, что удалось узнать.

Полный составъ куна за мужчину въ прежнее время:

6 „джаксы“—125 лошадей;

100 „колбы“ то есть лошадей съ волосами;

100 „джунды“ барановъ—съ шерстью;

1 „чинтимесъ“—бѣгунецъ по выбору истца;

8 лошадей по выбору истца (канд’ать);

1 „кара—клем“—коверь;

1 „кара нар“—верблюдъ;

1 „кара—тон“—шуба;

1 „кара—кунг“—невольница или вмѣсто нея 25 байталъ;

Девятка отъ лошади (выкупъ за юрты);

5 красныхъ халатовъ, носимыхъ въ теченіе года дѣвушками—дочерьми убитого, а если ихъ нѣтъ—дочерьми родныхъ;

5 черныхъ халатовъ, носимыхъ женами или замужними родственницами убитого;

Девятка отъ лошади и одна лошадь } взамѣнъ заплаченныхъ муллѣ за чтеніе молитвъ;
 До девятки отъ лошади за копаніе могилы.
 Сверхъ всего этого закалывалось 9 кобылъ на угощеніе истцовъ.
 Уплачивалось: 4 верблюда и 4 лошади—бійлыкъ для восьмерыхъ судей;
 2 лошади — двумъ киргизамъ: сдающему и принимающему скотъ въ уплату куна;
 1 быкъ; у него отсѣкался хвостъ въ знакъ окончанія ссоры.

Многое изъ этого состава куна платится и нынѣ, какъ увидимъ въ приводимыхъ ниже примѣрахъ. Но кромѣ этого въ прежнее время присуждали еще на обмываніе крови. Каждое убійство, если тотчасъ же не принесена повинная, вело за собой, да и теперь бываетъ довольно часто, баранту. Эта баранта имѣла особую цѣль; выражаемую уже самымъ названіемъ „канжуаръ“ (мыть кровь) и „канджугды“ (обмытая кровь), то есть родственники убитаго барантовали съ цѣлію обмыть кровь убитаго. Сколько бы ни отбарантовали скота: десятки или сотни головъ, но при разборѣ дѣла объ убійствѣ и при опредѣленіи размѣра куна о барантѣ въ прежнее время не велось преній, и дѣло о ней предавалось „салавату“. Все отбарантованное не возвращалось обратно. Въ случаяхъ, когда баранты не было, бій опредѣляли и на „канджуаръ“ нѣсколько головъ скота. Нормы на это однако не было. Въ число скота, присуждаемаго на обмываніе крови, входила и плата за „казанчайлы“ и „джаргы“.

„Казанчайлы“—обмываніе котла. Обмываніе умершаго должно быть произведено чистой водой, а такъ какъ чистой посуды, въ которой бы можно согрѣть воду, нѣтъ, то обыкновенный казанъ выжигаютъ, чистятъ и моютъ, а затѣмъ уже грѣютъ въ немъ воду для обмыванія трупа. Конечно, если бы человѣка не убили, то не понадобилось бы и мыть казанъ, а убили—плати и за это. „Джаргы“: принявъ отбарантованный скотъ домой, родственники убитаго рѣжутъ кобылу, коня или корову (изъ барантованныхъ), варятъ и ѣдятъ. Иногда приглашаютъ на это угощеніе и другихъ родныхъ, не ѣздившихъ на баранту. Понятно отсюда, что при отсутствіи баранты родственники лишились бы скота для „джаргы“, ну имъ и присуждаютъ. (По иску куна съ Тыкебая въ 1880 году въ канджуаръ было присуждено 15 лошадей).

Теперь опишу порядокъ и обрядность, которыхъ придерживались, при полученіи куна.

Тотчасъ послѣ убійства и принятія мѣръ къ сохраненію трупа виновный сообщаетъ родственникамъ убитаго о случившемся. По пріѣздѣ выдаетъ имъ тѣло, „кара нар“ (верблюда, на которомъ повезутъ трупъ), „нараклемъ“ для покрытія убитаго, „каратонъ“ и прочіе халаты. Спустя нѣкоторое время, посылаются къ роднѣ убитаго подарки—девятка отъ верблюда (эта девятка на-

зывается „тарту“ — повинная) съ просьбой прїѣхать для расчета и полученія куна.

Въ назначенный день прїѣзжаютъ родственники убитаго; для нихъ все уже готово: юрты, угощеніе. Подъѣзжая къ выставленнымъ юртамъ, они бросаются съ крикомъ „баврымъ“ и ударяютъ по юртамъ саблями и другимъ оружіемъ. Убийца и его родня просятъ не ломать юртъ и платятъ девятку отъ лошади.

Начинается разборъ дѣла, опредѣляется размѣръ и составъ куна. Постороннему человѣку, слушающему рѣшеніе, даютъ лошадь („джер-тыншаръ“). Затѣмъ слѣдуетъ угощеніе, а послѣ него расчетъ. Джигитамъ, сдающему и принимающему скотъ, даютъ по лошади. По окончаніи расчетовъ, изъ табуна убійцы приводится быкъ, и хорошій почетный киргизъ отсѣкаетъ у него половину хвоста въ знакъ окончанія расчетовъ и ссоры. Быкъ послѣ операціи конечно убѣгаетъ, за нимъ гонятся, и кто первый захватитъ, тому онъ достается.

И въ настоящее еще время, особенно въ болѣе отдаленныхъ отъ администраціи волостяхъ, доводится наблюдать этотъ порядокъ полученія куна, но уже не часто. Нынѣ большей частью кунъ выплачивается деньгами, а хотя и скотомъ, то безъ особыхъ обрядностей. Право, жаль старины; она имѣла конечно смыслъ и ея обряды не замѣнить деньгами. Обряды эти имѣли цѣлью и сближеніе, послѣ нихъ враждѣ уже не было мѣста. Это пожалуй важнѣе всего, такъ какъ убійство могло (да и теперь еще бываетъ не рѣдко) вести за собой сильную баранту, при которой страсти такъ разгораются, что примиреніе, примиреніе полное особенно желательно. Но всегда ли примиреніе достигается деньгами? Я думаю—нѣтъ. Самолюбіе родовичей убитаго удовлетворялось вѣдь не только уплатой, но и почетомъ, съ которымъ принимали ихъ виновные. Послѣдніе просили даже прощенія. И это имѣетъ большое значеніе въ глазахъ кочевника.

Прежде даже отличалось убійство случайное, не намѣренное отъ убійства обдуманнаго, вызваннаго мстью. За первое кунъ, за послѣднее же могли требовать крови. По рассказамъ стариковъ, когда виновный въ обдуманномъ убійствѣ присылалъ подарки (девятка отъ невольницы или болѣе), то родня иногда, не смотря на упрасиванія, отказывалась отъ подарковъ куна и требовала крови. Исполненіе этого требованія заключалось въ слѣдующемъ; въ извѣстный день родня убитаго въ произвольномъ числѣ членовъ дѣлала нападеніе на убійцу. Послѣднему разрѣшалось взять изъ своего рода лучшаго бѣгунца и спастись бѣгствомъ. Погоня продолжалась только одинъ день, и если убійца удавалось ускользнуть, то на завтра все кончается, онъ ничѣмъ уже не обязанъ, вина считается искупленной; въ противномъ случаѣ—при поимкѣ виновнаго—его убивали и тѣмъ кончали всѣ расчеты.

Лучшимъ разъясненіемъ вопроса о кунѣ служатъ примѣры рѣшеній, къ изложенію которыхъ я перехожу.

1) Въ Борохудзирской волости, Копальскаго уѣзда, среди рода Конурбургъ, живутъ 35 юртъ рода Айтъ. Изъ нихъ 30 юртъ отдѣленія Багай и 5 юртъ отдѣленія Сады. Всѣ эти 35 юртъ простые киргизы. Старшія же лица, самые вліятельные и почетные киргизы этихъ двухъ отдѣленій въ Айтбозумовской волости Южнаго участка Кульджинскаго района. Лица эти: бій Илигедай отдѣленія Сады и старшина Байбота-отдѣленія Багай.

Весною 1880 года старшаго изъ Сады, кочующихъ въ Борохудзирской волости, киргиза Чишканбая убили киргизы Борохудзирской же волости отдѣленія Багай—Адбанбай съ товарищами. Желая скрыть преступленіе, убійцы зарыли трупъ въ землю, но въ торопяхъ зарыли-то не глубоко, и чрезъ нѣкоторое время до него добрались собаки и порядкомъ попортили трупъ. Собаки указали дорогу и людямъ. Тѣло нашли; скоро открыли и виновныхъ, которые сознались и, пославъ въ Южный участокъ сообщить о случившемся Илигедаю и Байботъ, просили ихъ, какъ старшихъ своихъ родовичей, пріѣхать для улаженія дѣла и полученія куна. Илигедай съ своимъ братомъ Джетенемъ, Байбота, управитель Айтбозумовской волости Адильбекъ (рода Айтъ) съ 54 киргизами (отдѣленій Сады, Багай, Кыстыкъ, Альджанъ) отправились въ Борохудзирскую волость къ Багаямъ. Для пріѣзжихъ заранее было выставлено 10 юртъ, и едва они подъѣхали какъ Багаи дали прибывшимъ Сады лошадей и халатъ, прося не разбивать юртъ. Въ этотъ же день виновные дали на угощеніе прибывшихъ 5 фунтовъ чая и 5 барановъ. Для опредѣленія размѣра куна созвали хорошихъ киргизъ изъ всѣхъ отдѣленій Борохудзирской волости, которые и присудили заплатить: въ кунъ 2050 рублей и 9 лошадей; за невыдачу трупа и небрежное зарытіе, благодаря чему собаки осквернили тѣло, 9 верблюдовъ и 9 лошадей. Кромѣ того присудили, чтобы Багаи дали: а) по лошади четыремъ джигитамъ, пріѣхавшимъ съ Илигедаемъ, б) семи киргизамъ, обмывавшимъ трупъ, по лошади, в) за копаніе могилы 2 лошади и г) за чтеніе молитвъ 2 лошади.

Кунъ раздѣлили такъ:

Сыновья убитаго Чишканбая получили 800 рублей, 9 верблюдовъ и 18 лошадей. Почетныя лица рода Конурбургъ, Борохудзирской волости, получили 100 рублей. Четыре юрты отдѣленія Сады Борохудзирской волости получили 150 рублей. Отдѣленіе Багай Айтбозумовской волости получило 100 рублей. Между пріѣхавшими съ Илигедаемъ раздѣлили 900 рублей.

2) Въ началѣ 1879 года киргизъ Вѣрненскаго уѣзда Чунжинской волости—Чингыспай Байгозинъ съ тремя товарищами поѣхалъ въ Борохудзирскую волость Копальскаго уѣзда. О цѣли поѣздки говорятъ разно: Борохудзирцы говорятъ что Чингыспай пріѣхалъ воровать скотъ, Чунжинцы—поѣхалъ на розыскъ украденныхъ верблюдовъ.

Призналъ-ли Чингыспай своего верблюда у киргиза Борохудзирской

волости Уркумбая, брата управителя Борохудзирской волости Алимжана, или хотѣлъ его украсть—неизвѣстно, но достоверно, что у него завязалась драка съ Уркумбаемъ и во время драки Чингыспай, по словамъ Чунжинцевъ, былъ сильно раненъ ударомъ палки, по словамъ же Борохудзирцевъ—умеръ отъ паденія съ лошади на ледъ.

Отъ чего бы ни умеръ Чингыспай, по его товарищей схватили и связали; трупъ же помѣстили на дерево, закрыли кошмами и приставили караулъ, чтобы никто не повредилъ его. Въ это самое время отецъ Уркумбая и Алимжана, Капсалямъ, гостилъ у киргиза Чунжинской волости Тугульбая. Боясь, чтобы Чунжинцы не задержали Капсаляма, Алимжанъ послалъ своего джигита сказать отцу, что его требуетъ уѣздный начальникъ. По возвращеніи Капсаляма, Алимжанъ послалъ къ управителю Чунжинской волости Джаманке извѣстіе о случившемся, отославъ ему же и трехъ товарищей умершаго. Прибыли родственники Чингыспая, получили трупъ и, положивъ его на верблюда и закрывши ковромъ, уѣхали, отказавшись взять „кара-тонъ“, говоря: „не знаемъ, что еще скажетъ общество“. (Верблюды и коверъ—кара наръ и караклемъ—были даны Уркумбаемъ). Братья похоронили трупъ, справили поминки съ байгой, стоившей, говорятъ, 2000 рублей на одни только призы, да 30 кобылъ на угощеніе.

Чтобы объяснить дальнѣйшія событія, необходимо предположить (впрочемъ, Чунжинцы увѣряютъ, что это было именно такъ), что Борохудзирцы,—согласившіеся сначала платить кунъ и пославшіе съ этой цѣлью подарки: ямбу и 500 рублей для того, чтобы остановить баранту, имѣвшую цѣлью обмытъ кровь убитаго,—раздумали платить кунъ, увѣряя, что Чингыспай умеръ, упавъ съ лошади во время драки, возникшей съ нимъ, какъ съ воромъ. Чунжинцы усилили баранту, Борохудзирцы, конечно, не отставали, и взаимная баранта длилась въ теченіе полутора года. Надо, однако, думать, что Борохудзирцы потерпѣли уже въ началѣ большіе убытки, потому что прибѣгли къ помощи Борохудзирскаго воинскаго начальника, даваго имъ казаковъ Семирѣченскаго войска, и просили Чунжинцевъ прикончить баранту, обязуясь уплатить кунъ. Но ничего не помогало, а на просьбу былъ полученъ гордый отвѣтъ: „Кунъ намъ не слѣдуетъ, вы вѣдь сами говорили, что Чингыспай убить на воровствѣ“.

Баранта продолжалась, несмотря на внимательство администраціи. Наконецъ, понукаемая администраціей, стороны рѣшили разсчитаться на чрезвычайномъ съѣздѣ въ выселкѣ Попутѣомъ (20 августа 1880 года). Переговоры сначала вели бии, открылъ ихъ Утебай (бій Чунжинской волости), требуя въ кунъ 20000 рублей. Борохудзирцы отказались, говоря: „не слыхали о такомъ кунѣ“. Утебай сказалъ „Мало? прибавляемъ еще одну ямбу“. Капсалямъ спросилъ: „какъ быть съ двумястами головъ лошадей, у него украденныхъ?“ и получивъ отвѣтъ: „въ Канджауръ ихъ“, сказалъ: „не дамъ, такъ какъ хотя это и нашъ обычай, но ни разу не слыхалъ повторенія его при русскихъ“. Вообще переговоры велись вяло; всякій чувствовалъ, что не бѣямъ окончить это дѣло. Бии са-

ми сознавали свое безсиліе; вѣдь въ этомъ дѣлѣ затронуты были интересы до 1000 семей, и бій, не имѣя особаго вліянія, не могли взять на себя и права постановить какое-либо общее рѣшеніе, могущее удовлетворить всѣхъ. Ну по неволѣ и разошлись.

Но дѣло все же надо было окончить, ибо имѣлось серьезное настояніе власти. Тогда Джаманке и Алимжанъ, посовѣтовавшись, пригласили самыхъ вліятельныхъ киргизъ обѣихъ сторонъ и, обсудивъ дѣло сообща, постановили: „Киргизы обѣихъ волостей клятвенно покажутъ, кто сколько угналъ скота. Если добыча Чунжинцевъ превыситъ добычу Борохудзирцевъ на 400 и болѣе головъ скота, то кунъ не взыскивается и дѣла предаются саловату. Если жъ разница менѣе 400, то доплатятъ до 400.

Ну какъ бы посмѣли бій постановить такое рѣшеніе? да если бы и постановили, то можно ли было ручаться, что обѣ волости выполнятъ ихъ рѣшеніе? А между тѣмъ это постановленіе именно такого свойства, что необходимо безусловное подчиненіе ему, иначе пострадаютъ интересы многихъ,

3) Торгоуты, китайскіе подданные, угнали у нашихъ киргизъ до 500 головъ лошадей. Это было въ 1880 году.

Воспользоваться добычей имъ, однако, не пришлось, ибо киргизы догнали воровъ и возвратили всѣхъ лошадей кромѣ 15, съ которыми торгоуты успѣли скрыться.

Въ отместку и киргизы угнали, спустя нѣкоторое время, у торгоутовъ до 600 лошадей. Но и они не воспользовались добычей. Дѣло было такъ: когда киргизы сочли себя безопасными отъ преслѣдованія, то остановились отдохнуть; лошадей своихъ распустили и занялись приготовленіемъ пищи. Въ это время на нихъ налетѣли торгоуты, и киргизы, растерявшись отъ неожиданности, успѣли захватить только часть лошадей—головъ 100—и убѣжать. Во время суматохи всякій хваталъ какую попало лошадь, лишь-бы поскорѣе скрыться. Одному киргизу Сегизсаровской волости—Труснеку не посчастливилось однако. Онъ схватилъ было кобылу, но ее отнялъ его товарищъ той-же волости Байсеитъ Кауменевъ, говоря: „это моя, она жирна, и я по приѣздѣ домой рѣшилъ ее заколотъ“. Труснекъ схватилъ другого коня, но и этого отнялъ Байсеитъ. Между тѣмъ торгоуты были уже тутъ, и киргизы съ частью добычи скрылись. На мѣстѣ отдыха остался только несчастный Труснекъ. Онъ побѣжалъ было пѣшкомъ въ горы, но пуля остановила его; онъ упалъ. Черезъ нѣсколько мгновеній Труснекъ поднялся и побѣжалъ было опять, но вторая пуля убила его наповалъ. Все это видѣли товарищи несчастнаго. Торгоуты, захвативъ оставленныхъ лошадей, скрылись. Они взяли, вѣроятно, и трупъ убитаго, потому что киргизы, вернувшись, не нашли его. По приѣздѣ домой никто изъ киргизъ, бывшихъ на барантѣ, не зашелъ въ юрту убитаго Труснека и не сказалъ, что случилось съ нимъ. Однако, истинна сдѣлалась скоро извѣстной, и родственникъ убитаго—Биядо-Адбановъ предъявилъ къ Байсеиту искъ—„кунъ“. Стороны выбрали судьями: Баббо—бія Ходжаке, почетнаго киргиза Касабулата и киргиза Татымбака, а

Байсеитъ—бѣвъ Джансеита, Дадая и управителя Конурбургской волости Кеспера. Изъ всѣхъ шести судей только Касабулатъ и Джансеитъ Сегизсаровской волости, всѣ остальные Конурбургской и Айтбозумовской волостей.

Допросивъ истца и отвѣтника (хотя послѣдній и не сознался въ отнятіи лошадей у Труспека, но не только судьи, а и всѣ киргизы знали, какъ было дѣло), судьи удалили ихъ и начали совѣщаніе. Мнѣнія раздѣлились: Ходжаке настаивалъ на присужденіи половины куна, другіе—трехъ девяткокъ аипа, говоря: „Байсеитъ виновенъ не въ убійствѣ, а лишь въ томъ, что 1) не помогъ товарищу въ бѣдѣ, 2) не привезъ домой трупа и 3) не явился къ семьѣ убитаго и не рассказалъ дѣла“. И наконецъ третьи доказывали, „что если убійства не было, то о кунѣ и аипѣ не можетъ быть и рѣчи; слѣдуетъ же взыскать лишь все то, что Байсеитъ привелъ съ баранты (5 лошадей), ибо онъ все-же виновенъ въ неоказаніи помощи и въ оставленіи трупа“.

Долго судьи спорили, но тѣмъ не менѣе не пришли ни къ какому соглашенію и рѣшили поручить Касабулату и Джансеиту окончить это дѣло, такъ какъ оно затрогиваетъ интересы только ихъ рода. Всю ночь эти двое совѣщались и наконецъ постановили: „взыскать съ Байсеита одну девятку отъ верблюда, 5 лошадей и ружье за то, что онъ не употребилъ всѣхъ средствъ выручить трупъ и привезти его домой“. Такое легкое наказаніе было назначено лишь во вниманіе родства виновнаго съ убитымъ. Къ постановленію этому всѣ прочіе судьи приложили печати. Стороны остались вполне довольны приговоромъ.

4) Осенью 1876 года киргизъ Тойжанъ Сегизсаровской волости прѣхалъ къ управителю Конурбургской волости Кесперу, какъ должностному лицу, кочевавшему поблизости, и объяснилъ, что его сына Измаила убилъ киргизъ Сегизсаровской волости Бургутень. Кесперъ поѣхалъ. Въ юртѣ Бургутеня онъ засталъ много народу и тутъ же лежалъ убитый Измаиль. На вопросъ Кеспера: „правда ли, что Измаила убилъ Бургутень?“ всѣ отвѣтили: „правда“ и рассказали: „Бургутень, придя въ юрту, засталъ Измаила съ своей женой и, подозрѣвая связь, убилъ его“. Бургутеня связали и передали аульному его старшинѣ Аймамбету. Послали и за управителемъ Сегизсаровской волости.

Послѣ Измаила остались жена и маленькія дѣти. Искъ куна могъ предъявить лишь отецъ убитаго, но онъ отказался искать, говоря: „Бургутеня мы всѣ считаемъ не въ полномъ умѣ, дурачкомъ, поэтому и дѣло я предоставляю Богу“. Жена Бургутеня воспользовалась этимъ и заявила русской власти, что она боится жить съ сумасшедшимъ, который можетъ и ее убить, и просила развода. Ей разрѣшили, но чтобы родъ не потерялъ женщину, то бии Сегизсаровъ постановили: „въ теченіе 3 мѣсяцевъ она должна выйти за кого-либо изъ Сегизсаровъ“. Она выбрала Букуша Бектурова—дальняго родственника Бургутеня и Измаила—и вышла за него. Калыма Бекушъ не заплатилъ Бургутеню, потому что здѣсь вмѣшалась русская власть, нарушившая своимъ приказаніемъ обычай.

Прошло 5 лѣтъ. Тойжанъ умеръ. Родные убитаго пожелали искать

кунъ, и братъ убитаго Джанузакъ явился истцомъ. Стороны выбрали биевъ, которые, принимая во вниманіе родство сторонъ, опредѣлили взыскать съ него: 100 лошадей (25 пятилѣтнихъ, 25 четырехлѣтнихъ, 25 трехлѣтнихъ и 25 двухлѣтнихъ). Війлыкъ 100 рублей. Съ своей стороны, и отецъ Бургутеня—Верду—искалъ съ Букуша калымъ за невѣсту. Ему бѣи опредѣлили получить съ Букуша 30 лошадей (8 пятилѣтнихъ, 7 четырехлѣтнихъ, 7 трехлѣтнихъ и 8 двухлѣтнихъ). Уплата куна за Измаила: Верду заплатилъ 51 лошадь; его племянники Кашке, Алыбай Тутины и Бабалы Байгизовъ дали по 7 лошадей; двоюродный племянникъ Бектай далъ 4 лошадей; остальные родственники дали 24 лошади.

5) Для устройства въ 1880 году летучаго сообщенія Кульджи съ Музартымъ, между прочимъ, и Конурбургская волость должна была выставить 2 джигитовъ, каждый о дву-конь. Джигиты обязаны были имѣть только по одной собственной лошади, а запасныхъ давало общество.

Предъ отправленіемъ джигита, когда понадобилась запасная лошадь, старшина Тыкебай позвалъ къ себѣ киргиза Койбаса и, отобравъ у него лошадь, отдалъ джигиту, тотчасъ же уѣхавшему. Койбасъ остался недоволенъ такимъ дѣйствіемъ старшины и выбѣжалъ изъ юрты, говоря: „догоню джигита и отберу лошадь, ибо очередь не моя“. За нимъ вышелъ изъ юрты братъ Тыкебая—Алдыбай съ цѣлю удержать Койбаса. Сидѣвшіе въ юртѣ Тыкебая пять человѣкъ киргизъ не обратили вниманія на такое обыкновенное дѣло и продолжали разговоръ. Вскорѣ послышался крикъ, и сидѣвшіе въ юртѣ, выскочивъ, увидѣли Койбаса лежащимъ безъ памяти у ногъ Алдыбая. Бережно перенесли Койбаса въ юрту Тыкебая и тотчасъ же послали извѣстіе роднѣ умирающаго. Приѣхалъ братъ его Тойгельтыръ, началъ было спрашивать Койбаса, что съ нимъ, но отвѣта не получилъ, ибо послѣдній не приходилъ въ себя.

Распорядились отправить Койбаса домой, гдѣ онъ и умеръ изъ другой день. При обмываніи тѣла замѣтили большіе синяки вокругъ шеи и на обѣихъ сторонахъ верхней части живота, изъ рта трупа текла матерія, голова не держалась. На основаніи этихъ данныхъ заключили „Алдыбай душилъ Койбаса, топталъ ногами и свернулъ голову“.

Прежде чѣмъ предать тѣло землѣ, управитель Конурбургской волости послалъ старшину Токторбая спросить Тыкебая, сознается-ли онъ, что его братъ задушилъ Койбаса? Хотя Тыкебай и ни слова не сказалъ о виновности Алдыбая, все-же далъ для передачи роднѣ умершаго: каранаръ, караклемъ и каратонъ. По полученіи вещей Койбаса похоронили и тутъ же наняли дѣлать памятникъ, средства на который попросили у Тыкебая (онъ далъ 100 рублей и на прокормъ рабочихъ 18 барановъ и капъ проса).

Переговоровъ о размѣрѣ куна еще не вели, ожидая бѣи Испера, старшаго въ родѣ Майли (Тыкебай и Койбасъ—оба Майли). Приѣхалъ Исперъ, собралось до 200 человѣкъ родовичей. Стороны выбрали судей, которые, по допросѣ свидѣтелей, признали убійство доказаннымъ и опредѣлили, чтобы Алдыбай уплатилъ:

а) 200 байталъ или 2000 рублей,	}	или за все это
360 рублей.
б) 2 джаксы,		
в) 15 лошадей въ Конжуаръ,		
г) на поминки лошадь, корову и 8 барановъ,		
д) вмѣсто каракунгъ 156 рублей,		
е) муллѣ за чтеніе молитвъ 4 лошади,		
ж) двумъ джитатамъ 2 лошади,		
з) лошадь и верблюда, которыхъ Тыкебай лично долженъ подарить сыну Койбаса по прїѣздѣ въ юрту послѣдняго.		

Уплата этого куна: два двоюродныхъ племянника дали 275 рублей; шесть троюродныхъ племянниковъ дали 248 рублей; 511 рублей заплатили киргизы отдѣленія Джаксылыкъ (Тыкебай этого отдѣленія; Джаксылыкъ—сынъ Майли); остальное заплатили почти поровну Тыкебай, Алдыбай и Алишъ Тартановы—родные братья.

6) Киргизъ Кигизбай Тойчубековъ принесъ свое сѣдло для починки къ мастеру киргизу Умбетая Ибееву. Послѣдній тотчасъ-же взялся за дѣло и просилъ Кигизбая помочь ему, именно просилъ держать сѣдло. При работѣ Умбетай нечаянно ударилъ Кигизбая по пальцу и отрубилъ часть перваго сустава съ ногтемъ и кожу съ мясомъ вдоль всего пальца. Хотя сѣдло Умбетай и починилъ, не взявъ платы за работу, но Кигизбай заявилъ біямъ искъ, и они постановили, чтобы Умбетай уплатилъ Кигизбаю 1 рубль 50 копѣекъ.

7) Киргизъ Сегизсаровской волости Турапъ вырвать клокъ волосъ изъ бороды киргиза Конурбургской волости Кургаспая. Свидѣтелей не было, почему бѣи опредѣлили: дать присягу одному изъ общества Турапа (по выбору истца.) Не примется присяга—Турапъ заплатитъ Кургаспая 5 р.

8) Киргиза Конурбургской волости Тонды, ѣхавшаго въ гости, поймали каракиргизы Иссыкъ—Кульского уѣзда. Отнявъ лошадь, воры бросили связаннаго Тонды въ степи. Дѣло было зимой, и Тонды отморозилъ 4 пальца на лѣвой рукѣ. По разборѣ дѣла обычный судъ присудилъ въ пользу Тонды 20 лошадей.

9) Киргизъ Конурбургской волости Муздубай въ дракѣ съ киргизами лишился глаза. Ему присудили только 50 лошадей, потому что „самъ былъ виноватъ, вмѣшавшись въ драку“.

10) Осенью 1876 года на урочищѣ Тогуръ-тагау, около юрты киргиза Конурбургской волости Чокомана стояла юрта калмыка рода Дурбунъ-сумунъ Чериня. Послѣдній пасъ коровъ и каждый вечеръ пригонялъ ихъ къ юртѣ. Одна изъ коровъ, приученная кормиться въ юртѣ, однажды вечеромъ, когда большихъ никого не было, зашла въ юрту Чокомана и опрокинула казанъ съ пищей на маленькаго сына Чокомана. Ребенокъ страшно обварился и умеръ. Народный судъ (4 бѣи и 4 зянги) постановили: дать присягу 4 калмыкамъ по выбору Чокомана и если присягу не примутъ, то Черинъ уплатитъ Чокоману 50 лошадей. Мотивы рѣшенія: „За убійство слѣдовало присудить полный кунъ, но Черинъ не самъ убилъ и виновенъ лишь въ небрежности, потому слѣдовало бы присудить половину куна (100 головъ), но мы присуждаемъ 50, оставляя остальные 50 головъ на отвѣтственности Чокомана, такъ какъ и онъ виновенъ, допу-

ская корову кормиться въ юртѣ“. Зянги Калмыковъ не соглашались вначалѣ съ такимъ взглядомъ, говоря, что если Черинъ виновенъ въ небрежности, то о кунѣ не должно быть и рѣчи и слѣдуетъ присудить „аипъ“ (въ 1—2 лошади), но послѣ согласились со взглядомъ киргизскихъ биевъ.

До принятія присяги, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что трое примутъ присягу, а относительно четвертаго было еще неизвѣстно—Чокоманъ и Черинъ примирились на двухъ лошадяхъ.

11) Въ 1876 году на Сарканскомъ чрезвычайномъ съѣздѣ киргизъ Сергіопольскаго уѣзда Узенбай искалъ кунъ за мужчину и женщину съ киргиза Копальскаго уѣзда Бекчоина. Свидѣтелей не было, и бii предложили истцу выбрать на присягу 6 человекъ (4 за мужчину и 2 за женщину). Пятеро присяжныхъ присягу приняли, а шестой не принялъ. Поэтому и на основаніи опредѣленія куна за мужчину 2000 рублей и за женщину 500 рублей, бii и опредѣлили взыскать съ Бекчоина Чингожина въ пользу Узенбая 416 рублей, то есть часть, приходящуюся на не-принявшаго присягу.

12) Киргизъ Копальскаго уѣзда Бопану искалъ кунъ съ киргиза Сексембая за убитаго имъ киргиза Бекчоина Ибраимова. Убійство было доказано 4 свидѣтелями, и бii постановили: Сексембай уплатить 200 лошадей.

Но Сексембай на Сарканскомъ чрезвычайномъ съѣздѣ искалъ съ киргиза Балхашъ—Лепсинской волости Баубека Мурзина кунъ, утверждая, что киргиза Бекчоина Ибраимова убилъ не онъ, Сексембай, а Баубекъ, и просилъ взыскать кунъ и убытки. Сексембай представилъ суду 4 свидѣтелей, и бii опредѣлили взыскать съ Баубека 100 лошадей и 3258 барановъ, если елова свидѣтелей будутъ подтверждены присягой людей по выбору отвѣтника. Присяга была принята и Сексембай получилъ все присужденное.

Кромѣ куна родственники несутъ имущественную отвѣтственность и по расчетамъ за воровство одного изъ своихъ. Однако, обязательность платить за вора родственника является только въ случаѣ несостоятельности виновнаго. Само собою разумѣется, что сначала платитъ родня, потомъ и прочіе. Другихъ случаевъ имущественной отвѣтственности нѣтъ, и за исключеніемъ расчетовъ по куну и воровству родственники не обязаны платить за грѣхи одного изъ своихъ.

в) Пріемыши.

Киргизы отдаютъ своихъ дѣтей только въ знакъ особой дружбы, уваженія къ близкому и большей частью бездѣтному родственнику. Воспитаніе и прочія заботы всецѣло лежатъ на обязанности воспитателя; родители не вмѣшиваются, такъ какъ вмѣшательство можетъ быть сочтено за недовѣріе. Калымъ за воспитанницу получаетъ пріемный ея отецъ, родителямъ же дѣвухи передается только часть подарковъ, подносимыхъ женихомъ, а именно „илиу“ и часть (до половины) „сютакы“. Если роди-

телей нѣтъ въ живыхъ, то все остается у воспитателя. Равнымъ образомъ сют'аки не передается родителямъ, если воспитатель далъ имъ подарки при полученіи дѣвушки.

Права приемыша въ новой семьѣ—права сына. А такъ какъ приемышей почти исключительно отдаютъ лишь бездѣтнымъ родственникамъ, то они и наследуютъ все имущество воспитателя. Если же сынъ отданъ былъ не бездѣтному родственнику, то права его на имущество воспитателя значительно ограничены. Въ этомъ случаѣ по смерти воспитателя возможны слѣдующія два положенія: а) женатъ приемышъ, отдѣленъ онъ при жизни приемнаго отца, и тогда наследство получаютъ лишь родныя дѣти, и б) если воспитатель умеръ, не успѣвъ женить и выдѣлить приемыша, то эту обязанность выполняютъ родныя дѣти умершаго. Они платятъ за названнаго брата калымъ, женятъ и даютъ ему немного скота, не болѣе четвертой части изъ доли меньшаго сына умершаго. По смерти единственнаго названнаго брата (бездѣтнаго) все достается приемышу. Если же братьевъ нѣсколько, то приемышъ ничего не получаетъ. Вдовы названныхъ братьевъ достаются приемышу только тогда, когда число ихъ болѣе числа братьевъ.

Почти такія же права имѣетъ приемышъ и на имущество своего родного отца; онъ наследуетъ все, если не осталось другихъ его братьевъ и ихъ дѣтей. Въ противномъ же случаѣ ему даютъ не болѣе четвертой части изъ доли его меньшаго неотдѣленнаго брата. По смерти единственнаго родного брата, не оставившаго мужского потомства, все получаетъ приемышъ. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ ему ничего не достается. На вдовъ родныхъ братьевъ онъ имѣетъ права, какъ самый послѣдній изъ братьевъ. Сыновья приемыша, понятно, сохраняютъ всѣ права отца.

Теперь посмотримъ, какія права имѣютъ на приемыша воспитатель, отецъ и ихъ потомство. Для яснаго пониманія необходимо помнить, что приемышу все дано воспитателемъ; поэтому по смерти его все идетъ къ воспитателю и его роднымъ дѣтямъ. Порядокъ раздѣла одинаковъ съ раздѣлами между родными братьями. Семья родного отца получаетъ наследство только въ случаѣ, если послѣ воспитателя не осталось потомства. Кунъ за бездѣтнаго приемыша получаетъ воспитатель, давая отцу не болѣе $\frac{1}{3}$.

Если киргизъ возьметъ на воспитаніе внука (сына дочери—джіенъ), то не даетъ ему выдѣла, и внукъ, женившись на средствахъ дѣда, уходитъ къ своему отцу, отъ котораго и получаетъ юрту и выдѣлъ. На наследство дѣда внукъ уже не имѣетъ никакихъ особыхъ въ качествѣ приемыша правъ.

IV. Союзъ родовой.

Родъ въ былое время былъ политической единицей, значеніе которой опредѣлялось численностью членовъ.. Постоянныя усобицы между родами вели къ притѣсненію слабыхъ. Отсюда понятно, что тяготившіе членовъ другъ къ другу, сплоченность рода вызывается необходимостью защиты своихъ правъ отъ притязаній сосѣдей. Съ нашей властью эта защита оказалась ненужной, и родъ распался. Я говорю о распаденіи общихъ родовъ (Найманы, Джалаиры, Дулаты, Албаны), союзъ же членовъ мелкихъ родовыхъ группъ, понятно, остался какъ въ силу общности интересовъ, такъ отчасти и въ силу родства. Наши волости, за небольшими исключеніями, не болѣе какъ родовыя отдѣленія, и это обстоятельство вполне разъясняетъ многія явленія, необъяснимыя при незнаніи его. Напримѣръ, какъ объяснить почему не привился судъ одного бія, аульнаго бія отвѣтчика? А объясненіе просто, нѣчто не можетъ быть судьей въ собственномъ дѣлѣ. Аульный бій отвѣтчика уже въ силу только родовой солидарности, не говоря о другихъ причинахъ, не можетъ вообще отпестись справедливо къ интересамъ истца, члена другой волости, иной родовой группы. Почему нарушеніе правъ члена одной волости (увозъ у него дочери и т. п.) киргизомъ иной волости ведетъ къ общей барантѣ между волостями? Почему волость, спокойная сегодня, завтра, вслѣдствіе иногда одной личной ссоры двухъ—трехъ киргизъ разныхъ подотдѣленій, раздѣляется на партіи по подотдѣленіямъ? Это объясняется все той же родовой связью: свой своему по неволѣ братъ, какъ же не защитить и не вступиться? вѣдь и самому иной разъ понадобится защита. Впрочемъ, родовую солидарность между членами даже общихъ родовъ (Дулаты, Джалаиры) можно еще наблюдать и нынѣ. Напримѣръ, на чрезвычайныхъ съѣздахъ между разными уѣздами—значитъ между разными родами—киргизы каждаго уѣзда предварительно обсуждаютъ мѣры, дабы противникъ не одолѣлъ.

Выше я сказалъ, что волость—родовое отдѣленіе. Въ свою очередь отдѣленіе дѣлится на меньшія родовыя группы, и каждая изъ нихъ все равно умѣетъ крѣпко стоять за свои права и дорожить ими. При выборахъ, напримѣръ, доводится наблюдать такой фактъ: волостной управитель хорошъ, его слѣдовало бы оставить въ должности; но если въ волости есть значительная численностью родовая группа, обиженная прошлыми выборами, то какъ бы ни хорошъ былъ управитель, а выберутъ новаго изъ рода, обойденнаго на прежнихъ выборахъ, съ цѣлью удовлетворить родовое самолюбіе членовъ его. Неудовлетвореніе же самолюбія или игнорированіе, при перевѣсѣ численности противниковъ, всегда ве-

детъ къ разстройству волости. Начинаются ссоры, кляузы, выдумываются разные небылицы и все съ одной цѣлью отмстить за униженіе своего рода. Хотя родъ (отдѣленіе, родовая группа—все равно, даѣе я буду употреблять одно слово—родъ) и не можетъ заставить каждаго изъ своихъ членовъ сдѣлать это или то или обязать присоединиться къ общему рѣшенію, но членъ въ силу необходимости долженъ стоять за своихъ, иначе потеряетъ симпатіи и они такъ или иначе отомстятъ ему. Въ ежедневной же, будничной, такъ сказать, жизни всякій членъ занятъ собственнымъ дѣломъ и ничѣмъ не обязанъ по отношенію къ другимъ. Права членовъ родового союза на имущественную помощь при уплатѣ куна и обратно—права рода на часть куна, полученнаго членомъ, криведены выше.

Наслѣдство послѣ члена, не оставившаго наслѣдниковъ родственникововъ, достается роду. Но ему трудно получить это наслѣдство, если умершій жилъ въ другой волости. Мнѣ удалось узнать лишь одинъ подходящий примѣръ, да и то не подробно (рѣдкость такихъ случаевъ понятна, у киргизъ родство большое). Въ Нижне-Аксуѣйской волости въ 1868 году умеръ киргизъ рода Каптагай отдѣленія Чаппа, оставивъ бездѣтную вдову и скоть. Наслѣдниковъ не было, и представитель рода Каптагай, Арасанскій волостной управитель Толкунъ, предъявилъ права на вдову и скоть для раздѣла между членами „Чаппа“ (это отдѣленіе въ Арасанской волости). Говорятъ, бій и киргизы сильно спорили и ссорились, и Чаппа выиграли дѣло только благодаря особому вліянію, коимъ пользуются многіе Каптагаевцы. Вдову отдѣленіе выдало за киргиза Саурука, а скоть раздѣлили между старшими членами отдѣленія.

На барантѣ, байгѣ и т.п. родовичи ссылаются на помощь особымъ крикомъ—ураномъ. Уранъ рода—имя его общаго родственника: Албанъ и т. п. Уранъ волости—имя наиболѣе почтеннаго предка, на примѣръ въ Айтбозумовской волости уранъ—Раимбекъ, въ Конурбургской—Утей и т. п. При дракѣ между членами волости уранъ—родовое имя дерущихся. Впрочемъ, часто бываетъ, что отдѣленіе беретъ ураномъ не имя своего родоначальника, а имя какого-либо батыря или уважаемаго предка. Нпр. у киргизъ рода Айтъ уранъ Калыбекъ, у рода Бозумъ уранъ Алмерекъ и т. п. Иногда и стыдъ мѣшаетъ взять имя родоначальника ураномъ. Напр. въ родовомъ отдѣленіи Кыстыкъ это имя никогда не служило ураномъ. Уранъ были: Ескине, Танатъ и другіе, а теперь Малай. Это обстоятельство въ связи съ легендой о происхожденіи Кыстыковъ. Легенда такова: у одного киргиза рода Айтъ постоянно останавливались на ночлегъ проѣзжіе сарты и татары. Одинъ изъ нихъ сошелся съ дочерью хозяина, которая и родила мальчику, названнаго Кыстыкъ. Чтобы скрыть вину дочери отъ отца, ребенокъ былъ брошенъ въ степи. Кто-то нашелъ его

и воспиталь. Отъ этого ребенка и явились Кыстыки. Справедлива легенда или нѣтъ—все равно, но Кыстыки вѣрятъ ей и сердятся, когда смѣются надъ ихъ происхожденіемъ. Стыдась происхожденія, они и не употребляютъ имя Кыстыкъ ураномъ.

При смѣшанныхъ бракахъ, барантахъ кричатъ имя или уранъ предводителя. Напримѣръ, при барантахъ и дракахъ подъ предводительствомъ Тезека уранъ всегда Аблай (это уранъ Тезека.)

Опредѣленіе правъ на зимовки и лѣтовки.

Право пастбы скота на извѣстномъ пространствѣ опредѣляется принадлежностью къ родовой группѣ, которою это пространство издавна занято. Пользованіе лѣтними пастбищами свободно для всѣхъ (общія „джайляу“, т. е. пастбища Джалаиловъ, Албановъ по рѣкѣ Текесу, Дулатовъ въ городахъ Альтау). Зимнія пастбища раздѣлены по волостямъ и только въ случаѣ ссоры по ауламъ. Зимнія пастбища принадлежатъ лицу и переходятъ по наслѣдству, какъ и прочее имущество киргиза: зимовка отца достается младшему сыну. Право на пахотную землю пріобрѣтается трудомъ, приложеннымъ для орошенія, расчистки и тому подобное; почему участкомъ пашни пользуются на правахъ собственности, и не пашущіе могутъ отдавать свои участки въ аренду за вознагражденіе. Даже члены другихъ волостей не могутъ быть лишены права на участокъ, если только ими былъ приложенъ трудъ на проведеніе арыка.

Въ проведеніи арыковъ (оросительныхъ канавъ) могутъ участвовать даже отдѣльные члены чужихъ родовъ, если попросятъ; но за позволеніе они должны, предъ работой, заколоть большого жирнаго барана и угостить. Угощеніе это, называемое „Канъ-куи“, впослѣдствіи служить доказательствомъ правъ на земли по этому арыку. Арыки вообще проводятся мелкими родовыми группами, но тамъ, гдѣ нужно болѣе руеъ и средствъ, проводятъ цѣлая волость, даже нѣсколько волостей (арыки изъ рѣки Біона проведены Арасанскою и Біенъ-Куяндинскою волостями). Ежегодныя починки арыковъ требуютъ немало труда, почему пропускъ воды по арыку, какъ окончаніе труда, празднуется. Празднество состоитъ въ угощеніи, которое устраивается родовыми группами по очереди. Право собственности пріобрѣтается еще засадкой участка деревьями и постройкой жилыхъ или хозяйственныхъ зданій.

Охранительные обычаи.

О наказаніяхъ за нарушеніе личныхъ правъ говорено выше; здѣсь же остается лишь сказать, что народный обычай знаетъ нынѣ одинъ видъ наказаній имущественный въ видѣ штрафа (айпъ). За обиду словомъ обыкновенный айпъ—лошадь и халатъ. За оби-

ду дѣйстви́емъ размѣры приведены ранѣе. Нарушеніе имущественныхъ правъ наказывалось тоже айпомъ. Размѣры различны, прежде обыкновенный айпъ за кражу скотины—три, а теперь девять головъ. Впрочемъ, вмѣшательство администраціи въ недавнее еще время до того сбило кочевниковъ съ толку, что нынѣ общаго айпа почти нѣтъ (въ Вѣрненскомъ уѣздѣ за кражу одной скотины присуждается восемь). Возстановленіе въ правахъ достигается судебнымъ приговоромъ, а иногда въ случаяхъ несомнѣнныхъ возвращеніе захваченной зимовки, увезенной жены—распоряженіемъ власти. Наказанія понятно налагаются только бѣями.

Обрядность суда бѣевъ. Доказательства.

По обычаю, разбирать дѣло можетъ всякій, къ кому бы стороны ни обратились. Въ прежнее время обращались къ тѣмъ, кому вѣрили, что возможно было только въ случаѣ принадлежности сторонъ къ одной родовой группѣ. Этотъ выслушивалъ, спрашивалъ свидѣтелей, старался примирить стороны. Недостигалось примиренія, назначалъ очистительную присягу или приговаривалъ къ уплатѣ, если свидѣтельскія показанія были надежны и достаточны. До нашего завладѣнія степью процедура рѣшеній была такова: рѣшавшій дѣло давалъ пруть и разрубалъ его по окончаніи суда; это означало конецъ дѣла. При неудовольствіи на судъ одного шли къ другому. Съ теченіемъ времени способности, привычка къ дѣламъ или вліятельность нѣкоторыхъ личностей повели къ тому, что родичи за разборомъ дѣла обращались только къ нимъ, и такимъ образомъ кругъ бѣевъ ограничился немногими. Крупныя дѣла обсуждались во время народныхъ собраній (байга, помивки) вліятельными сородичами. Само собой разумѣется, обсужденіе было общее родичами обѣихъ сторонъ.

Такія рѣшенія, не опираясь ни на какую власть, не могли, конечно, имѣть ни обязательности. Они или исполнялись безъ понужденій, изъ боязни лишиться симпатій и поддержки своихъ, или же вовсе не исполнялись, и тогда истцу оставался одинъ исходъ—насиліе. Первый судъ имѣлъ характеръ суда третейскаго, основаннаго на довѣріи къ выборному, стоявшему въ одинаковомъ (родовомъ) отношеніи къ обоимъ тяжущимся. Основаніе второй формы суда—равноправность. Эту послѣднюю форму нельзя не назвать обычной, ибо въ прежнее время только она одна прекращала распрію между родовыми группами. Ей поневолѣ приходилось подчиняться, иначе свои же могли отступиться, а это грозило разореніемъ. И въ настоящее время на практикѣ встрѣчаются только эти формы суда: для сторонъ одной родовой группы свой бій, для всѣхъ прочихъ случаевъ—свободный выборъ поровну съ обѣихъ сторонъ. Правда, бывають разбирательства дѣлъ всѣми бѣями волости (по спорамъ о землѣ и т. п.), но такіе слу-

чай не часты. Мѣсто засѣданія бія—его юрта и всякое другое мѣстопребываніе бія. Судъ—гласный; присутствуютъ всѣ желающіе. Истецъ является съ отвѣтчикомъ, или послѣднего зоветъ самъ бій. Бій вызываетъ и свидѣтелей, хотя вообще они прѣзжаютъ съ своей стороны.

Собрались. Бій выслушиваетъ истца, отвѣтника, свидѣтелей; старается примирить тяжущихся. При неудачѣ постановляетъ рѣшеніе, а если дѣло сложное—откладываетъ приговоръ на нѣкоторое время для собранія справокъ. Или бій предлагаетъ истцу выбрать кого-либо для принятія за отвѣтника очистительной присяги. Приговоръ записывается въ книгу и выдается копія.

Такой же порядокъ соблюдается въ обычномъ видѣ. Въ немъ бій, по выслушаніи сторонъ и свидѣтелей, удаляютъ ихъ, чтобы не было помѣхи совѣщанію. Если понадобится предложить новые вопросы, стороны вновь требуются, а послѣ опять удаляются. Хотя вмѣшательство во время совѣщанія бievъ и не допускается, но вѣдь нѣтъ запрещенія, которое бы не нарушилось. Такъ и это. Тяжущіеся сидятъ недалеко и при невыгодномъ оборотѣ преній вмѣшиваются въ нихъ. Выборъ лица для дачи очистительной присяги ограниченъ нѣкоторыми условіями; точно такъ же не всякій можетъ быть и свидѣтелемъ. А такъ какъ знаніе этихъ условій необходимо, то я и разберу случаи, могущіе встрѣтиться на практикѣ.

Если на вопросъ бievъ отвѣтникъ признается въ своей виновности, то остается только установить размѣръ вознагражденія. Такимъ образомъ „тарту“—повинная—служитъ однимъ изъ желаемыхъ и несомнѣнныхъ доказательствъ. Но сознаніе бываетъ не часто, въ большинствѣ случаевъ его нѣтъ, да нѣтъ и свидѣтелей; въ такихъ случаяхъ, а ихъ огромное большинство, дѣло кончается очистительной присягой. Бій, установивъ размѣръ вознагражденія, предлагаютъ истцу выбрать на присягу кого либо изъ общества отвѣтника. Назначаютъ и аулъ или родовое отдѣленіе, изъ котораго слѣдуетъ сдѣлать выборъ. Въ мелкихъ искахъ непременно назначается аулъ отвѣтника. При искахъ куна очистительная присяга дается 4-мя киргизами по выбору изъ всей волости,—это за убійство мужчины; за женщину присяга дается 2 киргизами; при искахъ „джесира“ выбираются на присягу тоже 2 человѣка. При крупныхъ искахъ число присяжныхъ соразмѣряется съ суммой иска: за 1000 рублей должны принять двое, за 2000 четверо изъ цѣлой волости. При кунѣ за глазъ 2 человѣка, за 2 глаза—4 человѣка.

Истецъ можетъ протестовать противъ назначенія выбора изъ указаннаго бiями аула только въ случаѣ, если онъ, истецъ, съ этимъ ауломъ въ „спорѣ“ („спаръ“, какъ говорятъ киргизы). Точно такъ же и отвѣтникъ можетъ протестовать, если на присягу выбранъ человѣкъ, находящійся съ нимъ, отвѣтчикомъ, въ

спорѣ. Что такое „спорѣ“, трудно объяснить примѣромъ, насколько же можно обобщить разъясненіе киргизали этого слова—это есть ссора, дошедшая до тѣхъ предѣловъ, когда человѣкъ не разбираетъ средствъ, чтобы насолить врагу. Такая сильная ссора извѣстна въ аулѣ, волости всѣмъ и каждому, извѣстна она и біямъ.

Поэтому при несправедливомъ заявленіи тяжущихся о спорѣ съ присяжнымъ біи предлагаютъ выбрать на присягу другого: еслижъ знаютъ, что заявленіе ложно, то не обращаютъ на него и вниманія. Когда біи не вполне убѣждены въ справедливости или несправедливости заявленія о спорѣ, то сейчасъ же должны удостоверить чрезъ почетныхъ людей и при справедливости должны назначить другой аулъ для выбора на присягу или предложить истцу на присягу другого, но не отца, сына и не братьевъ киргиза, находящагося съ отвѣтчикомъ въ спорѣ. Въ послѣднее, впрочемъ, время практика разрѣшаетъ тяжущимся отводъ присяжныхъ и въ случаѣ недоказанности „спара“; но отвести можно не болѣе одного человѣка изъ аула, а изъ цѣлой волости только двухъ.

Не позволяется выбирать на присягу своего очень хорошаго нагомаго (тамыръ, худа) и близкихъ родныхъ, родственниковъ (случай возможный лишь, если тяжущіеся одного родового отдѣленія): отца, сыновей, братьевъ, племянниковъ, бажа, буле, джіень.¹⁾ Если отвѣтчикъ заявить о подкупѣ присяжнаго истцемъ, то біи прежде дознаютъ фактъ подкупа и при доказанности подкупа отмѣняютъ выборъ, предлагая истцу избирать на присягу другого. Другихъ причинъ для отвода присяжныхъ нѣтъ. Если избранный на присягу находится далеко отъ мѣста суда, то біи назначаютъ время и мѣсто присяги: обыкновенно въ юртѣ, то есть въ присутствіи одного изъ біевъ, волостного управителя и другихъ почетныхъ киргизовъ. Сообщать постановленіе суда выбранному на присягу—дѣло отвѣтника; его же забота и доставить присяжнаго къ назначенному сроку. Ко времени принятія присяги стороны должны сами явиться, не явятся—не ждутъ. Непріѣздъ присяжнаго къ сроку считается за отказъ отъ присяги и съ отвѣтника взыскивается все присужденное. Впрочемъ, если бы присяжный и присутствовалъ на судѣ, все таки присягу назначаютъ чрезъ день, два и болѣе. Это дѣлается съ двойкой цѣлю: дать возможность присяжному примирить стороны или при неуспѣхѣ собрать справки, безъ которыхъ нелогично принять или отказаться отъ присяги. Администрація, незнакомая съ этимъ фактомъ, требуетъ

¹⁾ Киргизы, женившіеся на двухъ дѣвушкахъ—сестрахъ, считаются нѣкоторымъ образомъ родственниками, и родство это называется „бажа“. Дѣти этихъ двухъ паръ состоятъ между собой въ родствѣ „буле“ Дѣти (буле) къ дѣду (отцу матерей) — „джіень“; дѣдъ къ нимъ—„нагаши“. Отцы супруговъ между собой—„худа“.

немедленного привода къ присягѣ, чѣмъ, конечно, подрываетъ значеніе присяги, все же непустой и для кочевника.

Формулы присяги нѣтъ. Бѣи спрашиваютъ присяжнаго: принимаешь ли присягу? получивъ отвѣтъ, дѣлаютъ „бату“ и заносятъ отвѣтъ въ книгу. При отказѣ отъ присяги истцу выдается копія. Въ случаяхъ, когда присяга отбирается не во время суда, отбирающій сообщаетъ суду о результатѣ, и судъ дѣлаетъ отмѣтку въ книгѣ. Киргизы избѣгаютъ принятія присяги: нехорошо, стыдно, говорятъ они; поэтому-то присяжные употребляютъ всѣ усилія къ примиренію сторонъ, въ случаяхъ справедливаго иска торгуются за отвѣтчика, и на чемъ поладятъ съ истцомъ, то отвѣтчикъ и обязанъ платить, хотя бы его согласія и не спросили. По окончаніи переговоровъ съ истцомъ, рѣшеніе присяжныхъ записывается въ книгу, и къ нему бѣи только прикладываютъ свои печати. Дѣло считается конченнымъ безъ привода уже къ присягѣ. Иногда въ книгу записывается просто мировая, — а то запишутъ, что и присяга принята, хотя бы на самомъ дѣлѣ этого и не было, а расчетъ ужъ дѣлается по рѣшенію присяжныхъ. На эти случаи не мѣшало бы обратить вниманіе; они вполнѣ въ обычаѣ и ничего незаконнаго, безнравственнаго въ нихъ нѣтъ, а между тѣмъ администрація иногда признаетъ такіа сдѣлки преступными. Если вполсѣдствіи одна изъ сторонъ узнаетъ, что присяжный былъ подкупленъ другой стороною и докажетъ это суду бѣевъ, то виновную въ подкупѣ сторону бѣи приговариваютъ къ уплатѣ всего присужденнаго первымъ рѣшеніемъ съ убытками, — это если присяжныхъ подкупилъ отвѣтчикъ; если же подкупилъ истецъ — обязываютъ его возвратить все полученное съ убытками. Подкупленный присяжный приговаривается къ уплатѣ аипа, смотря по размѣру дѣла, отъ 5—4 девятокъ до лошади и халата. Аипъ получаетъ тотъ, чьи права были нарушены подкупленнымъ. Но не одинъ аипъ служитъ наказаніемъ подкупленнаго, несравненно болѣе тяжелое наказаніе заключается въ ограниченіи нѣкоторыхъ правъ: его не принимаютъ свидѣтелями ни въ какихъ дѣлахъ, не допускаютъ и до присяги; однимъ словомъ, ему болѣе не вѣрятъ. Если очистительная присяга за отвѣтчика принята, а послѣ его вичовность обнаружится, то истецъ вновь ищетъ. Принявшій присягу требуетъ тоже аипъ, и ему обыкновенно присуждаютъ лошадь и халатъ. Если дѣло окончилось непринятіемъ очистительной присяги и отвѣтчикъ поплатился, вполсѣдствіи же найдется настоящій виновный, то заплатившій по первому рѣшенію ищетъ съ него, и ему присуждаютъ все заплаченное съ убытками.

Иногда, крайне рѣдко, истецъ предлагаетъ самому отвѣтчику принять присягу въ доказательство своей правоты, и наоборотъ, отвѣтчикъ предлагаетъ истцу доказать искъ принятіемъ присяги. Въ обоихъ случаяхъ дѣло кончается этими присягами.

Въ прежнее время—у Албановъ и въ настоящее время я былъ очевидцемъ такихъ присягъ—были разные формы присяги. Напримѣръ, требовалось обойти три раза вокругъ могилы уважаемаго человѣка, поцѣловать саблю, ножъ, дуло ружья и тогда уже сказать, принимаетъ ли присягу. Но въ какой бы формѣ ни отбиралась присяга, единственное и необходимое условіе—принять ее въ присутствіи хорошаго человѣка, заслуживающаго полного довѣрія, котораго для этой-то, цѣли и назначаютъ бии, если присяга принимается не при нихъ. Назначеніе формы присяги зависитъ отъ лица, выбирающаго присяжнаго. Эта форма сообщается биямъ.

Вотъ какъ проста и немногословна обычная присяга киргизъ; для нихъ она, конечно, имѣетъ значеніе, хотя бы традиціонное. Кажется, логично было бы придерживаться этихъ формъ и теперь, но къ сожалѣнію на практикѣ не всегда это соблюдается. Часто отъ киргиза требуютъ присяги на коранѣ. Не мнѣ, конечно, разснять вредъ привитія корана, но думаю, что лучше бы не примѣнять его. Я не вдаюсь еще въ разборъ другой стороны присяги по корану, то есть не вдаюсь въ разборъ того, сильнѣе ли она дѣйствуетъ на кочевника и вызываетъ ли она болѣе правдивое показаніе. Лично самъ я имѣю данныя сомнѣваться въ этомъ (киргизъ не понимаетъ даже ни одного слова изъ печатной присяги) и считаю общую форму присяги болѣе доступной пониманію и болѣе святой для кочевника. Да, думаю, и всякій знающій киргизъ согласится, что для массы коранъ ровно ничего не значить.

Свидѣтели; отводъ ихъ. Доказники.

Свидѣтелемъ можетъ быть всякій, кромѣ сумасшедшихъ, малолѣтнихъ и женщинъ. Дѣти до 15 лѣтъ не допускаются въ качествѣ свидѣтелей, не допускаются и на присягу. Затѣмъ, кромѣ неимѣющихъ права быть свидѣтелемъ, нѣкоторые киргизы теряютъ это право: уличенные въ принятіи присяги за вознагражденіе. Киргизъ, находящійся въ „спарѣ“ съ тѣмъ, противъ кого направлено его свидѣтельство, не допускается свидѣтелемъ. Равнымъ образомъ не принимаются во вниманіе показанія его отца, сыновей, братьевъ. Если другихъ свидѣтелей нѣтъ, то дѣло рѣшается такъ, какъ бы свидѣтелей и вовсе не было. Справедливость заявленія о „спарѣ“ съ свидѣтелемъ провѣряется такъ же, какъ сказано въ отдѣлѣ о присягѣ. Затѣмъ остальныхъ киргизъ можно раздѣлить на двѣ категоріи: 1) такихъ, показанія которыхъ непременно должны быть подтверждаемы присягой, и 2) такихъ, показанія которыхъ достаточны для постановленія приговора.

Къ первой категоріи относятся: а) родственники, худа, буле, бажа, джіень, нагаша, той стороны, которая выставляетъ ихъ. Справедливость показанія ихъ непременно должна быть под-

тверждена присягой, даваемой одному изъ ихъ общества по выбору стороны, противъ которой свидѣтель выставленъ. Впрочемъ, здѣсь встрѣчаются и исключенія: если такой свидѣтель извѣстенъ всѣмъ за правдиваго, честнаго, то противная сторона сама даже не требуетъ присяги; и б) порочные, вообще ненадежные люди, а также и всѣ прочіе киргизы, нравственные качества которыхъ не приобрѣли извѣстности. Ко второй категоріи относятся почетные, уважаемые люди, киргизы, извѣстные своей честностью, правдивостью. Впрочемъ, надо здѣсь сказать, что въ Вѣрненскомъ уѣздѣ съ 1879, а въ Копальскомъ, кажется, съ 1880 года сдѣлано общее постановленіе подтверждать присягой показанія всякихъ свидѣтелей, такъ что раздѣленіе свидѣтелей на категоріи теперь уже не имѣетъ, пожалуй, значенія. Присяга за свидѣтеля удостоверяетъ лишь то, правду ли онъ говорилъ суду. Поэтому если присягу примутъ—присуждаютъ истцу, не примутъ—отказываютъ въ искѣ. Показаніе подкупленнаго свидѣтеля не принимается во вниманіе, и дѣло рѣшается, какъ бы свидѣтеля и не было.

Скажу теперь нѣсколько словъ о доказчикѣ и его роли. Доказчикомъ называютъ того, кто 1) за вознагражденіе, или и безъ него, берется разыскать вора и вообще виновнаго въ данномъ дѣлѣ, и 2) зная виновнаго, требуетъ отъ потерпѣвшаго вознагражденія, опредѣляя его, торгуясь въ цѣнѣ, и обязуется открыть имя виновнаго. При этомъ вообще бываетъ всегда такъ, что если доказчикъ одного родового отдѣленія съ тѣмъ, кого хочетъ выдать, то ставитъ потерпѣвшему непремѣннымъ условіемъ держать въ секретѣ его, доказчика, имя, стыдась роли предателя своихъ родичей и ихъ укоровъ, отчасти-же и побаиваясь ихъ. А такъ какъ иногда другихъ уликъ у потерпѣвшаго нѣтъ, и дѣло стало быть, должно окончиться присягой, то доказчикъ заранее указываетъ, кого слѣдуетъ выбрать на присягу, обыкновенно изъ своихъ близкихъ. Такъ и дѣлаютъ. Присяга, конечно, не принимается, ибо виновность отвѣтчика присяжному извѣстна. Если доказчикъ не одного рода съ отвѣтчикомъ, то лично доказываетъ виновность его.

Вотъ и всѣ обычные виды доказательствъ, практикуемыхъ въ народномъ судѣ. Нельзя не видѣть, что изъ всѣхъ доказательствъ присяга практикуется въ огромномъ большинствѣ случаевъ; это, пожалуй, даже единственный видъ доказательствъ. Отсюда не трудно ужъ прийти къ убѣжденію о громадномъ значеніи присяги и тѣмъ необходимѣе оставить за ней обычныя освѣщенныя вѣками формы, отнюдь не навязывая кочевнику ничего чуждаго.

Біи за свои труды получаютъ плату—бійлыкъ. Плата эта 10 % съ присуждаемаго. Бійлыкъ платитъ отвѣтчикъ сверхъ присужденнаго; а такъ какъ взысканія вообще тянутся крайне долго, то біи требуютъ бійлыкъ съ истца и только по полученіи его выдаютъ копію рѣшенія. Истецъ же получаетъ бійлыкъ съ отвѣтчика.

Теперь въ заключеніе отдѣла о народномъ судѣ нѣсколько словъ о чрезвычайныхъ съѣздахъ. Хотя проектъ и имѣлъ въ виду эти съѣзды лишь для крупныхъ дѣлъ, но на практикѣ они обратились въ судбища всевозможныхъ даже самыхъ мелкихъ дѣлъ. Причины вполне понятны: легкость выбора бievъ вообще и возможность воспользоваться лучшими силами. Да кромѣ того здѣсь возможенъ выборъ свободный, не стѣсняемый предѣлами утвержденныхъ бievъ.¹⁾ Последнее обстоятельство крайне важно, ибо официальные бii часто не имѣютъ никакого вліянія на своихъ сородичей и приговоры ихъ особенно въ сложныхъ дѣлахъ не удовлетворяютъ никого. На чрезвычайныхъ же съѣздахъ для обсужденія такихъ дѣлъ выбираются самые вліятельные родовичи, и только при ихъ помощи и исполнимы такіе, напримѣръ, приговоры, какъ постановленный по дѣлу между Борохудзирской и Чунжинской волостями. (см выше о кунѣ). Однородноепочти постановленіе окончило ссору между Байджигитами и Албанами въ 1880 году). И утвержденные бii, конечно, сумѣли бы постановить такое рѣшеніе, но вѣдь дѣло не въ постановленіи, а въ исполненіи, и вотъ тутъ-то авторитетъ рѣшавшихъ, вліяніе на своихъ и необходимы. Понятно, не одинъ авторитетъ и вліяніе помогаетъ въ этихъ случаяхъ; помогаетъ уже самый сборъ массы родовичей и постороннихъ, дѣлающій возможнымъ общее обсужденіе и сближеніе сторонъ.

Если для киргизъ уѣзда необходимъ чрезвычайный съѣздъ, то для киргизъ разныхъ уѣздовъ эта необходимость доходитъ до крайнихъ предѣловъ: только на немъ одному кочевникъ иного уѣзда и можетъ разсчитывать на удовлетвореніе. По понятіямъ киргизъ, чужой уѣздъ—иное государство и притомъ не рѣдко враждебное,²⁾ и если въ своемъ уѣздѣ трудненько получить искомое, то самое мелкое полученіе съ киргиза другого уѣзда достигается еще съ большимъ трудомъ и большими издержками. Нужно везти своего бiя; отвѣтчикъ, его отчасти и бii по понятной причинѣ уклоняются отъ разбора, и приходится просить содѣйствія уѣзднаго. Время между тѣмъ идетъ, растутъ и расходы. А то иной еще, придерживаясь проекта, непременно обязываетъ соблюсти постепенность суда, начиная съ аульнаго бiя.

Ну а на чрезвычайныхъ съѣздахъ это достигается легче, потому, что и власти тутъ-же, есть кому заступиться. Кромѣ того, многіе киргизы часто и не являются на съѣздъ для избѣжанія

¹⁾ Вънѣ чрезвычайнаго съѣзда это не позволяется, и по жалобѣ одной изъ сторонъ рѣшеніе отмѣняется безъ всякихъ разсужденій.

²⁾ Причины этому, помимо родового начала, заключаются, по моему мнѣнію, и въ неодинаковомъ отношеніи власти къ народному суду. Всякій относится по своему, считая свой взглядъ болѣе правильнымъ или болѣе цѣлесообразнымъ. Киргизы вполне правы, говоря: „новый уѣздный, новый занъ (законъ)“, и поневолѣ теряются въ обилии этихъ зановъ.

расходовъ при мелкихъ искахъ, а поручаютъ свои дѣла тому, кому нужно ѣхать. Иной разъ и доводится наблюдать, что одинъ и тотъ же киргизъ представляетъ собой 5—6 своихъ товарищей. Формальностей при этомъ не соблюдается никакихъ; если же относиться строже и требовать довѣренности, то и она сейчасъ же явится: мулла есть, написать недолго, и бумагу для этого возмуть у насъ же, а свой старшина всегда засвидѣтельствуетъ такую подложную довѣренность. Да, право, къ этому нельзя строго и относиться; стоитъ вникнуть въ суть дѣла, стоитъ сообразить, возможно-ли ѣхать за нѣсколько сотъ верстъ за бараномъ, лошадыю не имѣя увѣренности въ непремѣнномъ полученіи, и поневоля будешь смотрѣть сквозь пальцы на такія предѣлки, лишь бы онѣ вели къ облегченію участи кочевника.

О формѣ и обрядности суда на чрезвычайномъ съѣздѣ сказать нечего: судъ обычный, поровну съ обѣихъ сторонъ, и обрядность его, доказательства описаны выше. Существуетъ, правда, третейскій судъ („третій“ по названію кочевника), но онъ бываетъ рѣдко, и все его отличие отъ обычнаго—выборъ сторонами однихъ и тѣхъ же биевъ въ нечетномъ числѣ. Въ случаяхъ, когда бии не придутъ къ общему рѣшенію, сторонамъ предлагается выбрать посредника, и тогда дѣло рѣшается уже по большинству голосовъ.

Н. Изразцовъ.